

Владимир Платонов

История любви

(Издание 2-е, переработанное и дополненное)

**«Созвездие Гончих Псов»
Барселона
2008**

UDK 82(1-87)-94
BBK 84(4Rus)-8
P-92

Vladimir Platonov

History of love

ISBN 5-699-11446-7
10 9 8 7 6 5 4 3 2 1 Typeset in Nimrod and Arial
by Tradespools Ltd., From
Printed in Greece

О любви

... Мне всегда думалось, что нужно делать различие между эросом и сексом, между любовью-эросом и физиологической жизнью пола. Это сферы переплетающиеся, но они различны. Жизнь пола – безлика, родовая. В ней человек является игралищем родовой стихии. В самом сексуальном акте нет ничего индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром. Сексуальное влечение само по себе не утверждает личности, а раздавливает её. Пол безлик, не видит лица. В жизни пола есть безжалостность в отношении к человеку, есть согласие отказаться от чисто человеческого. Индивидуализация полового влечения есть ограничение власти пола. Любовь – лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна.

... Сильная любовь-влюблённость может даже не увеличить, а ослабить половое влечение. Влюблённый находится в меньшей зависимости от половой потребности, может легче от неё воздержаться, может даже делаться аскетом. Любовь всегда относится к единичному, а не к общему. Эротическая любовь коренится в поле и без пола её нет. Но она преодолевает пол, она вносит иное начало и искупает его.

... Настоящая любовь – редкий цветок...

Николай Бердяев

От автора

Я не поэт, стихия моя – публицистика, анализ, критика яростная и язвительная, что совсем ни в каком обществе не приветствуется.

Горный инженер по профессии, постепенно ушедший от горного дела¹ в политику, экономику и эту самую публицистику, стихи писал крайне редко и втайне, и исключительно для себя, для того чтобы выразить своё настроение на бумаге, чтобы передать своё восхищение близкими дорогими людьми. Однажды попробовал выполнить социальный заказ, но из этого ничего путного не получилось, ибо – как уже сказано выше – я не поэт: не могу писать по заказу.

В конце девяностых годов случайно раскрылся тайной этой своей стороной в одной из редакций. Попросили дать прочитать что-нибудь, да взяли и напечатали... Советовали сборник издать. И это в наши то времена, во времена всеобщего обнищания?! Насмешили...

И вдруг на втором году наступившего тысячелетия, когда мне стукнуло семьдесят, я получаю в подарок дискету с набором стихов – хоть сразу в печать!

Ничего не поделаешь – повезло!..

Что ещё сказать о себе? Родился я на Кубани среди гор, рек, лесов, садов и полей на маленьком хуторе в семье потомственных казаков – хлебопашцев и воинов.

До трагичного в нашей истории 22 июня сорок первого года, следуя за родителями, кроме Северного Кавказа успел побывать и пожить и в Архангельске, был в Выборге (превращённом в руины по необъяснимой прихоти Сталина накануне вступления туда наших войск), год прожил на самой границе с Финляндией в прелестном финском городе Энсо между двумя водопадами (Большая и Малая Иматра) на Вуоксе. Видел линию Маннергейма, взломанную страшной ценой в советско-финской войне, на моих глазах проходило и начало новой жуткой войны, эвакуация, Ленинград, смерть отца, голод в Архангельске. Затем был Сталинград, где почти не было и руин, а только горы битого кирпича и поля, поля бесконечные со свежёнными к железной дороге вражескими разбитыми танками, пушками, самолётами. Это какую же силу перемололи?!

И снова Кавказ, Крым, бывший российским и таким навеки оставшийся для меня.

К двадцати годам обосновался в Кузбассе, к 30 годам перебрался в Луганск. Был в Новосибирске и Красноярске, Киеве, Львове и Закарпатье, и многократно в Москве. Впечатлений было достаточно. Но самая главная – поразившая меня с пяти лет красота неиспорченной человеком природы, её мощь, её ширь, её укромные уголки, её радостное великолепие и тихая благодать, её композиционное совершенство. В то же время и созидание, творчество рук человеческих с детства беспредельно меня восхищало¹.

В восемь лет я открыл прелесть женского, девичьего лица и восторженное отношение к женщине сохранил до сих пор. По этой причине многие женщины не любили меня, и – по ней же – другие любили².

Возможно, кому-то покажется, что извечное стремление к красоте порой у меня оборачивается пристрастием к "красивостям". Не соглашусь, но спорить не стану. Я таков, каков есть.

Владимир Платонов

¹ "История искусств" под редакцией Гнедича, СПб, 1913 годь.

² Помните пушкинское: "Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей"?

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

За всех вас, которые нравитесь или нравились
хранимых иконами у души в пещере,
как чашу вина в застольной здравнице
подъемлю стихами наполненный череп
В. Маяковский

Ниоткуда с любовью...
И. Бродский

* * *

Наталье Фатеевой

Я глаз твоих люблю сиянье:
Ведь в них души очарованье,
Как в зеркале, отражено,
Но заглянуть мне в них
не суждено.
1954. Кемерово

* * *

Галине Левинской

Искрится ярко снег, на землю
белым пухом
Ложась спокойно, величаво, плавно,
В лучах огней, в печальном свете
лунном
Узором кружевным сияя лучезарно.
На улицах больших – свет жёлтых
фонарей
Из тусклых сумерек внезапно
вырывает
Толпу спящую, играющих детей –
Их смех звучит и тихо замирает.
Так, набежавший летнею порой,
Тебя неожиданно освежает,
Дохнув на грудь прохладною струёй,
Привольный ветерок...
и снова улетает.
Ноябрь 1954. Кемерово

* * *

Галине Левинской

Вот девушка
 свой стан
 изящно наклоня,
Взглянула в зеркало...
 – ведь ей идти пора! –
Но морщится невольно милый рот –
Нет, это платье так ей не идёт.
Я жду её давно –
 она же здесь
 страдает.
То локон,
 на щеку упавший,
 подоткнёт,
То шалью плечи нежные скрывает,
То брошь хрустальную сорвёт...
 Ноябрь. 1954. Кемерово

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Мы пили третий день токай,
Закусывая чёрным хлебом.
Но мы не плакались – пускай!
Нам весело под синим
небом.

Конспекты сжечь успею едва,
почти разъехалась братва,
лишь я один неторопливо
в кругу последних могикан,
любуюсь блеском искр
игривых,
багряного вина стакан
налил и выпил за любимых.

И снова всё кругом светло.
И снова мир, и снова
счастье:
любовь и терпкое вино
развеяли, как дым, ненастье.

И пусть глаза любимых нам
не улыбаются при встрече,
мы шлём тоску ко всем
чертям –
ведь столько радостей
на свете!

И пусть нет денег, и пускай
едой нам хлеб, а крышей
небо –
который день мы пьём токай,
закусывая чёрным хлебом!

11 сентября 1955. Осинники

* * *

Чёрное стекло ночи
С электрическими лампочками
звёзд
в хаосе
мироздания
рождает чувство бесконечного
одиночества.

И тогда я вспоминаю тебя,
твоё смуглое от загара лицо
и тонкие руки с хрупкими
пальцами.

Твоё живое лицо
и глаза,
и твою улыбку,
и платье,
в котором ты танцевала
со мною.

И холод звёздных глубин
не кажется мне
таким уж страшным.

Ноябрь 1962. Луганск

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Электрические звуки
вплетаются в черноту этой ночи
за голым тёмным стеклом
с жёлтыми огнями окон
и могильным светом дневных ламп.

Электрические
чёрные дерзкие
звуки,
пляшущие в стёклах ночных
витрин,
скачущие в огненном ритме
рекламы
и в серебряном зримом свете
чёрной ночи.

Удивительные звуки –
тоскующие и радующиеся любви,
и не радующиеся ей,
звуки ночи
и электроники,
звуки странного века
и вовсе не странной
любви.

Звуки изящной ночи,
нарядной
ночи,
как ты в своей красной широкой
юбке...
И в этой ночи нет ничего лучше
тебя.

Ноябрь 1962. Луганск

* * *

Ларисе Кохарь

Тебя я не ищу за гранью
ожиданья
и, лоб прижав к оконному
стеклу,
на эту ночь усталую смотрю
с тоской последнего прощанья.
Кто ты? И где?
Найду ли я тебя?
Вопросами не потревожу я
унылость
неба.
Пусть мне любовь сейчас
нужнее
хлеба,
Я растворюсь в ночи,
любя.

5 декабря 1962. Луганск

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Если б ты знала,
 если б ты знала,
как ждал тебя в тоске
 у старого причала,
если б хоть чуточку
 ты понимала,
что для меня с тобою
 встреча означала.

Если б ты знала,
 как утром рано,
словно мальчишка,
я бежал на полустанок,
чтобы увидеть
недотрогу
и вместе с ней
пройти дорогу
с ткани экранной
в мир многогранный.

Тихой и странной,
робко желанной
ты провела со мною
долгий дивный вечер.
В свете туманном
лик филигранный
очаровал меня
с той самой
первой встречи.

Если б ты знала...
Если б ты знала...

1962. Луганск

Владимир Платонов

* * *

Ивановой Светлане

Стояла осень. Но ещё тепло
держалось.

Ехали мы с пляжа
в автобусе.

В оконное стекло
смотрела ты.

А я же
не видел ничего, кроме тебя.

Я рядом был, как
деревянный идол:
впервые я так близко от себя
лицо твоё увидел.

В оптическом обмане ли
вина,
что притягательность его
обнажена

так беспредельно
приближеньем

многократным –
оно, уже не отпустив мой

взгляд обратно,
точно большая красная

луна,
когда бывает та едва

удалена
от прозаичных крыш

земного жилмассива,
казалось мне преувеличенно
красивым.

Мы ехали в автобусе.

Почти одни.
Ко мне ты обернулась.

На спинке кресла
пальцем я чертил

бессмысленное что-то
и, ссутулясь,

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

молчал безвольно и
подавленно:
автобус,
ты,
деревья за окном –
всё в золоте пронзительно
отчаянном
заледенело хрупким
хрусталём,
и я боюсь разбить его
нечаянно.

Разрушить
солнца
и любви,
и тишины
очарованье –
было б святотатством.

Автобус пуст.
Мы в нём совсем одни,
но я страшусь в любви к тебе
признаться.

И больно мне,
что всё живое – миг.
Любовь к тебе –
предвестие утраты,
и время оборвёт
хрустальную сонату
и в небесах рассеет
дивный лик...

Стояла осень.
Плыл счастливый сон.
И ощущение временности
глохло:
над яркой синью,
киноварью, охрой
сияло нежное огромное
лицо.

* * *

Ивановой Светлане

Какое прекрасное имя Светлана, –
В нём слышится ласково-нежное: Лана,
В нём грация лани, в нём отсвет волны,
В которую оба мы с ней влюблены.
Под солнцем осенним струятся фонтаны,
И светятся золотом жёлтым платаны,
И листья резные под ноги они
Роняют нам, будто мы с ней влюблены.
Вот ночь зажигает огней фонари,
И тает в них алость вечерней зари.
Дорога, калитка, прощальный поклон –
В Светлану уже я чертовски влюблён.
К несчастью, не любит Светлана меня,
И имя её повторяю я зря.

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Вечерний город. Глазницы темниц.

Стеклянный блеск плоскостей

стен.

Блики чужих равнодушных лиц –

статистов люминесцентных

сцен.

Влажный огонь. Россыпи искр,

жалких, в пугающей

черноте.

Ветер срывает пригоршни брызг –

швыряет в киевский

метрополитен.

Безгласный вагон по ночному пуст,

Качает мягко:

сонно и вяло.

Чудится: тысячу лет так мчусь –

и двадцать всё, только вот...

усталость.

И в мыслях вечны

смятенье и боль,

но безнадежность логических

построений не принимаю,

и жизнь, как бой, –

незримый бой со смиреньем.

Лишь на мгновенье немного тепла,

самую малость, чуточку, *mini*:

в ледяной полосе стекла

проявляется странная женственность

линий.

Спрятав пряди волос в чалме,
из далёкой мглы
пирамид
бледно-мраморное во тьме
обнажённо лицо глядит.
В удлинённом разрезе глаз,
в колдовской оголённости плеч
целомудренность строгих ласк
и обречённость встреч.
Холодный блеск
не выкажет отчаянья:
живая плоть мертва в его черте –
он только женщины прекрасной
лик печальный
отобразил в зеркальной пустоте.
И плыл, качаясь, рельсовый стук,
и к уходящим минутам
жалость
голубым сцепленьем кисейных рук,
нитью тонкой долго
держалась...
За стеклом чёрно-мраморным
ленту
тоннеля
взрывает станций беспощадная
яркость.
Затуманенных блёклых тонов
акварели
смывает трезвая
ясность.

1 января 1977. Святошино

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

Воспоминание о не бывшем.

Людмиле Сухаревой

Какое странное сияние.

Неуловимая погода.

В полосках стылого тумана

мы ищем брода

у рек слияния.

С утра шар солнца ослепительный

плыл в воздухе

заиндевелом,

и мертвенно река блестела,

застыв своим свинцовым

телом,

пред нашею лесной обителью.

Ты зябко ёжилась в постели,

лицо укрыв

под одеялом.

Разбросанные угли тлели,

отсвечивая тёмно-алым

в тени нас приютившей ели.

И сразу,

резко,

бег стремительный,

стрелою спущенной пропело –

и ты отчаянно и смело

летела

с обрыва в ледяную воду

и, согреваясь, залпом водку

пила

решительно.

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Солнце светит стылым светом,
стёкла сонные скучают,
стон сосулёк серебристых
слился сверху с сосен
снежных.

Снег сияет сотней свечек,
скачут стайками синицы,
светлоокой синевою,
счастьем сладко стиснет
сердце.

Счастьем станет созерцанье
совершенного созданья,
сотканного синим сном...

Май 1979. Москва

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Под нами тёплая вода,
как существо живое дышит
и обессиленно тела
лениво, медленно
колышет...

Думали доплыть
до кромки моря,
да устали,
и кружит над головами
чаек стая.

Над волнами в изголовье
синь небес.
Белым облачком на небе
реет
крест.

А внизу сомкнулася
до дна
тёмная зелёная
вода.

Тёмная вода –
зелёный страх.
Слава Богу –
тает в облаках.

Мы осознанно заплыли
дальше всех,
так к лицу ли брать на душу
страха грех?

Наши мысли –
суть,
подвластная двоим.
Тени трепета мы в них не зароним.

Не враждебная качает нас
волна:
свежей силой наливаются
тела...

Смеркается. Прозрачна тишина,
в ней тонким серпиком прорезалась луна
И в море страшно от прибоя далеки
четыре к берегу гребущие руки.

27 сентября 1991. Луганск

Фото 1. *Елена, любимая*

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Жене Васильевой

Вся в чёрном, в бархатном костюме
мушкетёра,
обворожительная в праздничности
зала,

неведомой рукою дирижёра
влекомая, ты на балу блистала.

Отточены все звуки и все па.
В изящном опьянении круженья
румянцем лёгким покрывается щека,
глаза блестят восторгом упоенья,
и пред тобою расступается толпа.

Взлетает мушкетёрская накидка
с крестом, искрящимся на чёрном её
поле,
и в шляпе бархатной с серебряною
ниткой

ты дивно хороша собою.

Небрежно сдвинутая шляпа
с лихо заломленным пером,
и взлёт волос над

шеей белоснежной –
всё говорит о нраве озорном
головки милой, трепетной и нежной
влюблённым и грустящим под окном.

И вальса вихрь сменяет робость шага.

Полёт, воображение, игра!

И бьётся в ритме танца шпага
о чёрный бархат твоего бедра.

3 апреля 1996. Луганск

Детство

Люсе Алексеенко

Румяная над озером заря,
и васильки во ржи синеют.
Зерном налитые колосья
тяжелеют,
о чём-то меж собою говоря.

Там между мамой и отцом
я на траве,
и небо синее над нами
безмятежно,
и мыслей спутанных,
безбрежных
ещё не возникает в голове.

Какая даль! Какой далёкий
сон!

С тех пор полвека пролетело,
состариться успело моё тело,
но никогда меня не покидает
он.

Спокойная и мирная пора...
В ней страшное в стране
творилось дело,
но нас оно нисколько
не задело,
хотя беда бродила у двора.

Менялось в мире всё
неумолимо.

Ломалась какая-то основа.
Исчез портрет какого-то
Ежова,
Но все в моём сознание мимо,
мимо.

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

По радио бахвалились вожди,
но детский ум ещё не
развратила
идей всепобеждающая сила,
и славословия угар пока
щадил.

Прошёл ещё один счастливый
год.

В нём девочка с глазами
голубыми,
которую впервые полюбили.
Храни её, Господь, от всех
невзгод.

И неожиданно, как выстрел
пистолетный,
из рупора тяжёлые слова:
ГЕРМАНИЯ, ВНЕЗАПНОСТЬ
и ВОЙНА –
отозвались бедою
всепланетной.

А в знойный день июля
грозового
отец вернулся – высохшая
тень.

Шёл пятый мне
запомнившийся день
В год... сорок первый
с рождества Христова...

1996. Луганск

Фото 2. *Богиня*

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

* * *

Я знаю, мне не удержать тебя
ни уговорами, ни –
что бы глупо было –
силой.

Тебя давно с теченьем относила
от милых берегов безвольная ладья.

Предчувствие беды во мне подспудно
жило,
но безрассудно тратил время зря,
когда вернуть тебя
ещё возможно было.

И за бездействие теперь наказан я.

Мне горько вспоминать, как я любил
тебя,
как молча мог я на тебя смотреть
часами

и – очарован глаз разрезом, волосами,
струившимися с плеч – глядеть, как,
теребя

шёлк пряжей длинных, их ласкаешь ты
ладонью узкою от пальцев до запястья.

Навек впечатывал в себя твои черты.

Да, было так... И это было счастьем.

Быть может, ты тогда меня ещё любила –
безмолвной скучностью я отпугнул
тебя.

И оттого теперь безвольно уносила
тебя к иным брегам угрюмая ладья.

24 августа 2002. Маалот

ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ

И струн гитарных перебор
и песня тихая с печалью –
всё это было изначально
и будет вечно, до тех пор,
пока чарует нежный взор
и дивных черт нас обаянье,

пока колдует алый свет –
в костре чудесней цвета
нет,
как нет волшебнее сиянья
луны в бескрайнем
мироздании –

пока горит в глазах у ней
костра ль сполох – на лице
дивном
при измененье
непрерывном –
иль красный отблеск
фонарей,
сигнальных кормовых
огней...

А сумасшедшая луна
висит над нашим
теплоходом,
и затопляет в нём она
все палубы и переходы
кипящим ливнем серебра...

10 октября 2002. Маалот

... зачем, когда к душе угрюмой,
К душе, истерзанной тоской и тяжкой думой,
Ты прикасаешься, о, милая, любя, –
Зачем, как прежде, кровь мне наполняет жилы,
Зачем душа, в цвету раскрывшись с новой силой,
Стихи, как лепестки роняет вокруг себя?
В. Гюго

* * *

Ты была здесь.
Запах твоих ладоней
хранит каждая вещь,
которой
касались
руки твои.
Запах дождя
и мокрых деревьев,
и тёплых огней,
и теней ночи.
Ты была здесь
ещё так недавно,
и тебя уже нет.
И растерянно
я
повторяю стихи Элюара:
*Я так тебя люблю,
что я уже не знаю,
кого из нас двоих
здесь нет.*

1964. Луганск

Фото 3. В день первой встречи

Иду, почти совсем заочневший,
мечтая о тепле в конце дороги,
о том, что далеко и недоступно:
о домике, что где-то за лесами
стоит, как терем-теремок во поле.
Внутри него уютно пахнет хвоей,
обжитой чистотой жилища.

В стене – печурка
с приоткрытой дверцей,
в ней весело потрескивают угли,
и пляшут язычки угля над ними,
бросая свой неверный
красный отблеск
на женщину напротив,
в мягком кресле.

Она свернулась зябликом
в клубочек,
и туго поджимая плечи,
в платок их кутает,
в пушистый, тёплый,
и от огня она заморожено
своих глаз светло-серых не отводит.

Что видится ей в пламени пугливым?
Туманный лес?

В нём одинокий путник?
И, может быть, она, его жалея,
железными щипцами осторожно
в костёр куски угля кладёт на пламя
с надеждой,
что тепла теперь достанет
всем странникам,
бредущим по земле...

Е Л Е Н Е

сравнимую с твоим

прощальным взглядом.

Тебя здесь нет, но ты со мною рядом.

Вода раскалена истомой женских тел.

К тебе любовью лишь поставлен

мне предел.

Когда б ни ты, я б сделался пиратом.

Тебя здесь нет, но ты со мною рядом.

То в светлой дымке, то в огне

твоё лицо ночами снится мне

с улыбкой, зацелованной и смятой.

Тебя здесь нет, но ты со мною рядом.

Сумятица, бессонница ночей –

в плену я в узел сбитых простыней,

мне без тебя вся жизнь была бы адом.

Тебя здесь нет, но ты со мною рядом.

1976. Луганск

* * *

В распахнутую дверь

уже который день

стучит капель, срываясь с винограда,

и лунною дорожкой лежит

на матовых перилах балюстрады

отсвет окна, укрытого от взгляда

стеной, похожей ночью на гранит

в щербинках,

выбитых рукой шершавой града.

Тебя здесь нет, но ты со мною рядом.

1977. Алушта

Фото 4. Прекрасная и гордая Елена

* * *

Красные листья, жёлтые листья –
радостный вихрь
 этих праздничных красок
перемешал
 в сочетанье немислимом
трезвость ума
 и хмель свадебных плясок.

Синяя трезвость –
 в растрёпанных прядях
солнцем налитых
 прозрачных берёз,
и ошалелым увидено взглядом
чудо
 распущенных женских волос.

Прямолинейность
 прохладная, белая
стройно сомкнулась в голубизне;
замороженный истомою
 женского тела
лес опалённо качнулся ко мне.

Весь до травинки,
 до веточки, листика
золотом льётся из глаз в глаза:
милая, это не сон и не мистика –
осень любовно к земле
 прилегла...

А волосы струились, пенились,
и ветер их трепал неистово,
и я, давно во всём изверившись,
руками грубо сердце стискивал.

Нет, не уйти мне от невенчанной,
но суженою мне на муки –
лучом расплавленным

просвечены

ко мне протянутые руки.

И всё, что было в ней заветного,
меня целуя и кляня,
в день сумасшедший этот

ветренный,

она до капли отдала...

И пламенея красным, жёлтым,
вдали в деревне крыши

плавилась;

склоняясь низко к горизонту
солнце лучи свои расправило.

Они, стелясь над чёрной пашней,
текли к земле теплом и светом,
и становился днём вчерашним
тот день –

прощальным криком лета.

Октябрь 1978. Луганск

Е Л Е Н Е

* * *

Здесь чисто и тепло,
и резкий
яркий
свет,
здесь по больничному
и пусто,
и уныло,
здесь будто бы неплохо,
но немило –
в пустых зрачках застыл
стерильный
цвет.

А за окном качается фонарь,
и хлещет дождь,
и ива сиротливо
свои бессильно плечи
опустила
в осеннее ненастье
и печаль.

Сырые клочья туч.
Заломленные
руки.

Нагие,
мокрые
стволы,
как женщины,
которым не нужны
уже любви
и радости
и муки.

* * *

Ношу в себе к тебе такую нежность,
что нежность стала страхом и надеждой,
и горечью,
и радостью.

Конечно,
мир соткан из таких противоречий:
мне страшно оттого, что я
себя не мыслю больше без тебя,
что каждый миг ты мне необходима,
а это никогда недостижимо.
Но чувством, переполнившим меня,
до опьянения счастлив я.

1979. Луганск

* * *

Ты неземная вся, ты воплощенье духа,
ты соткана из облаков и пуха,
твоё лицо передо мною светится,
нахмурясь, – чёрной кисеей завесится,
но и в тени мягчайшие черты
очарованьем света залиты.

Ты вся воздушная, ты соткана из снов,
из грёз, из миражей, воображенья,
и из стихов – и всё-таки ты женщина,
ты женственна до самых ноготков:
венчает золотистость смуглой кожи
их перламутр и дымчатая розовость.

Ты соткана из солнечных лучей,
из их дрожанья, бликов, переливов,
ты в чистых красках древних витражей
надолго застываешь терпеливо
и, наконец, смирясь в узорчатых их
лапах,
ты сумрачно к ногам ложишься на пол.

В благоговейно гулкой тишине
голубизной озёр
в глазах таится святость
мерцаньем воздуха,

как на холстах Моне,
под сводами разлита тихо радость.
И на полу коленопреклонённо,
о чём ты молишься
так целеустремлённо?

Какое чудо просишь сотворить,
ты – сотворённое земное плотью чудо?

* * *

За окном льётся дождь,
и шуршащие звуки
капель
сразу глотает песок.
Я как будто в изгнание –
в тягучей
разлуке.
Я в разлуке с тобою,
но мне
хорошо.
Хорошо,
что не мокну,
тебя
понапрасну
прождав,
на дрожащем
промозглом
ветру,
что уютно под лампой с подвесками
красными
мне бездумно гадать:
кончит лить ли к утру?
Впрочем, мне всё равно.
Утром чистый и звонкий
воздух будет горчить
от умытой смолы,
и в ненужной суетности
жизненной гонки
убеждать меня станут
деревьев
крепко вросшие в землю
стволы.

С ними я соглашусь.
Я устало в ответ закиваю.
Время вышло.
Давно уж пора отдохнуть.
Я готов захлебнуться в восторгах
зелёному раю,
повернувшему
в тихую заводь мой путь.
Я, как эти стволы,
прочно стану на якорь,
вгрузнув лапами всеми
в податливый ил.
Мне здесь так хорошо, так покойно,
однако,
как ни странно,
желанный покой
мне не так уж и мил.
Почему-то во снах,
отвязавшись
от вечно пленённого буя,
оборвав якоря – в шторм.
Глаза
покрасневшие тру.
Я готов, я хочу,
твои тёплые губы
целуя,
всё стоять и стоять
на жестоком полярном ветру.

10 сентября 1988. Алушта

Фото 5. Прекрасно всё, душа и тело

* * *

Песок... песок... – вдруг
сразу впадина,
ссыпаются на дно песчинки...
но зализать ли вам – пылинки – ногой
оставленную ссадину?
И вьётся след: за шагом шаг.
И кинокамера, как сыщик,
принюхиваясь, носом ищет,
и вот – руки победный взмах!
В видеоискателе стопа –
виновница отёчных впадин,
легко касаясь жёлтой глади,
туда не ступит – Бога ради! –
где проторённая тропа.
Какая узкая стопа!
Какая тонкая лодыжка!
Идёт меж дюн с раскрытой
книжкой
не фея – женщина с изыском,
как не пропетая строфа.
Она почти совсем нага.
Купальник мокрый
обалдело
прозрачный
липнет к её телу
и к строгим, и стыдливо
белым,
обворожительным ногам.

Лица неправильный овал
 прелестен нежностью
 тревожной.

Взгляд – молчаливо
 осторожный
с отчаянностью безнадёжной
трепетность лани выдавал.
Пугливо царственна она.
Идёт – прекрасна и стройна.
И горделиво голова
 повёрнута
 вполоборота.

В предощущении полёта
вдруг вздрогнет чуткая спина.

А впереди песок плывёт
в зевок волны вглубь океана,
и, наливаясь, словно рана,
нетерпеливый нервный рот
узду невольную грызёт:
вот-вот крылом она взмахнёт
и...
 слишком, слишком,
 слишком рано.

Ещё прочна земная связь...

Вереск... и дюны... и песок...
Покачивая гибким станом,
по-над ворчливым океаном
надменно женщина идёт.

23 декабря 1990. Луганск

* * *

Спросила: "*Нравлюсь ли тебе в таком наряде?*"

А я, ответив невольно, замешкав,
был награждён язвительной усмешкой
и странным холодком во взгляде.

Я виноват, поверь мне, бога ради,
прекрасна ты в любом наряде:
и в мини – в мини всего лучше! –
и в макси, и в костюме брючном.

31 декабря 1990. Луганск

* * *

Прошёл февраль, не испугав
нас ни морозами, ни ветром,
и март воспрянул, просияв
капелью, падающей с веток.

Уже шальные воробьи
на проводах сидят как ноты,
и камнем тягостным с души
свалились зимние заботы.

Прозрачные мне снятся сны,
я их бессвязности внимаю
и трепет признаков весны
в стихи тебе перелагаю.

7 марта 1991. Луганск

* * *

В эти серые дни без тепла и просвета
вспоминаю как бурный тропический сон:
ты сошла с самолёта предвестницей лета,
ты сошла с самолёта по трапу на трон.

В этом троне сплелись ожидания и муки,
обожанье и радость в него я вложил
и теперь, взяв тебя в свои сильные руки,
как богиню любви на него возводил.

Мне казалось, что ты не для яркого света –
ближе лунному морю пленительный дар,
но уже навсегда полюбил только этот
твой оливковый бархатный ровный загар.

И когда я сейчас в непогоду тоскую
иль грущу оттого, что не молод, а стар,
я, обняв твои тёплые ноги, целую
твой оливковый бархатный нежный загар.

26 апреля 1991. Луганск

* * *

Часы наручные, холодные как лёд,
массивностью стальной Елену подавляют,
но мне ни тяжесть их, ни холод не мешают –
как раз, пожалуй, всё наоборот.

Они тянули раньше кисть мою
в работу и привычную усталость,
но и сейчас я их благодарю,
что суть мою мне высветили в старости.

Я равнодушен, как и их металл,
и никакое пламя не прогреет
души замёрзшей, где язык немеет
и все слова убиты наповал.

Январь 1992. Луганск

* * *

*Леночке в день Светлого
Христово Воскресенья
23 апреля 1995 года*

Скамейка. На скамейке ты
с косою длинной и тяжёлой;
в траве незрячие цветы
у узенькой лодыжки голой.

Лодыжка в лодочке плывёт
в зеленоватой лунной сини,
но что сейчас мне лунный иней? –
застыл во времени полёт
с ума сводящих дивных линий.

Не отвести глаз от лица,
которого поцеловать не смею.
Пред совершенством рук Творца
восторженно благоговею.

Луганск

День

1.

Окно раскрыто в светлый мир дождя,
полётом капель разлинованный
в косую,
и памятью своей на лист пустой
рисую
воспоминания о длинном беге дня.

2.

Всплывало солнце
субмариной
малиновой на горизонте
и жарким отблеском
карминным
пылало в твоём белом зонте.
И в платье бело-лебедином
на этом солнечном параде
была ты жрицей в строгом,
длинном
и целомудренном наряде.
Ах, этот солнечный простор!..
он призрачен,
как всё на свете.
Видение смывает
с гор
сорвавшийся
холодный ветер...

Плескалось море подле ног
и воздух пах иодом, солью,
и грудь теснилась от тревог
какой-то будущею болью.

3.

Блики прыгают на волнах зеркалами.
Море, кажется, настроилось игриво.
Глянцем плёнки изогнулось
под ногами,
ну а глубже – затаилось пугливо.
Моря ты не бойся неохватной глади:
плещет как ребёнок: робко и наивно.

Е Л Е Н Е

Ты бы, думаю, могла бы с ним
поладить,
Если б я не уговаривал так длинно.
Страстно я люблю тебя и море.
Как мне вас обоих не обидеть:
ты рассержена,
когда сливаюсь с морем,
море хмурится, когда с тобою видит.
Чайка, злясь,
с волны крылом срезает пену.
Вспыхнула в глазах испуганных
зарница.
Я ведь не способен на измену.
Видно, всё же
вам придётся примириться.

4.

В моих руках твоё лицо,
и перед тем, как кануть в лету,
в последний раз перед концом
я осознаю радость эту.
И ты, и я – всегда вдвоём.
Одни
в бескрайнем белом свете.
И мир, сжимавшийся кольцом,
у наших ног был тих и светел.
Мы мчались к солнцу.
Над скалой
меж тем уже клубились
тучи.
Взмыл Чатыр-Даг над головой:
надменный, сумрачный, могучий.
И – стёрта с неба бирюза,
угас последний звук аула:
зигзагом молнии гроза
всё разом вмиг перечеркнула.

5.

Окно раскрыто в чистый мир дождя,
в прозрачный мир за водяной завесой.
Летит поток щебёночный с отвесов,
И мне за ним уж не видать тебя.

1998. Луганск

* * *

Вдыхая горькие и терпкие духи
твоих волос,
с дня самой первой встречи
я страстный трепет живой речи
укладываю в мёртвые стихи.

1997. Луганск

Фото 6. Любимое лицо

* * *

Охвачен жаром лес. В крови пожар.
Сосновый зной с небес, как солнца дар.
Ты белой Ледою на простыне
плывёшь под соснами в своей ладье.

А я, – в огне, – к губам твоим припав,
их алой влажностью – любовный жар
тушу,

но погасить нельзя –
прелюбопытные – на нас – глаза
из хитрой мордочки – в кустах – ежа.

Он, зачарованный, глядит, глядит,
и не смущает его наш вид.

И смех и грех! Ежишко мил и мал,
заинтригован – чёрт бы его взял!

Ты пальцем, засмеясь, грозишь ему,
и уползает он от нас – в траву.

А хвоя источает дивный дух –
огонь любви в нас не потух.

10 ноября 2003. Маалот

Е Л Е Н Е

накатывает пляж совсем недалеко –

мы были там вчера перед закатом солнца.

Да и редет он... Смотри, – поляна, дом,

где, к сожаленью, выбиты оконца.

Поляна радостна, купается в лучах

не жаркого и мягкого светила,

и белый двухэтажный дом... Без окон и дверей...

Вот это вот смутило...

Ты вся дрожишь: – Зачем в глуши здесь дом?

Прекрасный дом! Но почему заброшен?!

– И вовсе не прекрасный – страшный дом.

– он на спине мурашками по коже...

Быть может, тут разбойничий притон,

и отсыпаются бандиты после ночи?!

А может, он с гестаповских времён,

и там в подвалах камень кровоточит?!

И я, поняв тебя, хоть в это не поверил,

за плечи взяв, в тень отступил с тобой.

И так увёл тебя от нежеланной встречи

с оставленным прошедшею войной.

За хмурым лесом снова снопы света

сплетаются жгутами над землёй,

и до чего ж хорош зелёным этим летом

слепающий луг с тенями чередой!

11-12 ноября 2003. Маалот

* * *

Сегодня солнце такое жаркое,
Но запах пыльной весны ещё свеж –
Давай, перекинемся радужной аркою
В фантазии детских наивных надежд!
Давай, как и прежде, мы солнечным утром
Отправимся в призрачный лиственный лес,
В котором окутан зелёною дымкой
Нас встретит пронизанный солнцем навес,
Где солнце, ликуя, сквозь кружево веток
Над нами сплетёт золотистый узор,
И белое облако следом за ветром
Вверху в синеве поплывёт на простор
Бытия – где вновь молодость, счастье,
И где мы с тобою опять влюблены,
Где вновь – поцелуи любви и объятия –
Всё то, для чего мы с тобой рождены!

25 марта 2004. Маалот

Е Л Е Н Е

* * *

Ты сказочно, ты дивно сложенá.
Божественная талия с любовью
Искуснейшим резцом очерчена.
Ты амфора
 волшебного вина,
Которым голова
 моя опьянена,
Как и лица красотой,
 любимая, с тех пор,
Когда впервые я
 глазами встретил взор
Твой, обращённый
 мимолётно на меня,
И понял,
 что отныне ты моя
На веки.
 Что отныне нет тоски,
Что счастье выпало
 до гробовой доски.

* * *

Ты женщина моих далёких снов,
Ты восхитительна, и у меня нет слов,
Какими передать всю прелесть красоты
Твоей – лица и тела, и души,
Переворот, какой свершила ты
Во мне любовью, вызванной тобой,
Того, что я с тех пор навеки твой.

3 января 2006. Маалот

* * *

Листья шелестят под ногами жёлтые,
Облака плывут, ветром гонимые.
Облака осенние – мёртвые...

Листья шуршат по асфальту жёсткие,
Их ветер закручивает порывами,
То пьяными, то игривыми,
Пронизывая насквозь нас.

И сверкают белками
Глаз
Прохожие
Темнокожие
В сумрачный час.

Наши тени сплелись и спутались,
И в метели из листьев ржавых
Растворяет нас ночь,
Точь-в-точь
Как та ночь,
Когда целовал тебя
На ветру
На виду у прохожих
Только не темнокожих.

И в других краях,
Где зима
Все дороги перемела,
И в ночи – уже ни души.
Только мы.

И остались лишь
Ты и я.
В целом свете ночь,
И в ней ты и я.

Я целую тебя
на углу
всю ночь.

До утра.

22 апреля 2006. Маалот

* * *

Тёк сверху снег, как пушкинские стансы,
Снежинки падали на кончики ресниц,
И лились в ночь старинные романсы,
Слетавшие с прочитанных страниц,
Где стан девичий, схваченный шелками,
По залу плыл между туманных лиц.

И падал отсвет рам на зимние сугробы,
На стан твой дивный и на воротник, на мех,
Как будто делал это для того лишь, чтобы
Я лицезрел холодный рыхлый снег
и капельки над тёплыми губами,
дыханья пар и невесомый смех.

И вспоминаю я, как чужестранец некий,
В иных краях о прошлом не скорбя,
Что я уже любил заснеженные веки,
О, Боже праведный, как я любил тебя.

9 мая 2006. Маалот

Фото 7. Княжна

НАСТРОЕНИЕ

Миндаль дрожащий
и запах горький,
смываемый ветром
с утренних веток.
И где-то невдалеке – мама,
и где-то в далёком – мама
и книга в её руке.
Обломки жизни, предметы,
тёплые от синих снов,
на них дремавших –
я мал ещё,
для меня ещё нов
весь этот мир, тем не менее,
что-то похожее на умиление
с тех пор испытываю
к мимолётному, как сновидение,
как жизнь сама, как в далёком былом
тот незаметно растаявший день её
под миндалём.

Х. Гойтисоло

* * *

В чём жизни смысл?
В чём обрести опору?
Найти пристанище мятущейся душе? –
Искать глубоких чувств,
Возвышенных дерзаний? –
Иль отмести, как сор, боль мысли и страданий
И беззаботно век прожить как все?
Прожить без размышлений, без раздумий,
Кумирами вино и дев провозгласить,
Смеяться беззаботно, петь, кутить,
От жизни всё взять и забыть
О том, что душу волновало с юных лет?
Нет, не для этого ты родился, нет, нет!
Пусть путь твой будет каменист,
Пусть часто в час ночной
Сожмётся сердце, и в отчаянной тревоге
Растерянный ты остановишься в дороге –
Ты никогда не позабудешь тех минут,
Что труд и творчество в несчастье нам несут.

1954. Кемерово

НАСТРОЕНИЕ

* * *

Среди ночи я
стою у чёрного
 окна,
прижав
к оконному
 стеклу
свой лоб.
А за спиной,
 дрожая,
холодный,
 липкий страх.
Страх одиночества...
13 декабря 1956. Междуреченск

* * *

Смотрю, как рассыплю в ночной
 речной воде
искрятся звёзды в глубине
 на самом дне,
как, коченея в ледяной её утробе,
они дрожат там
 в лихорадочном ознобе,
подобном моему,
 но по другой причине:
да, да, любовь!
 Но не к лицу мужчине
кричать во всеуслышанье о ней,
 любви загубленной моей.
1958. Междуреченск

* * *

Грущу. С моста я над рекой,
несущей воды подо мной,
гляжу на точки огней –
свет отражённых фонарей.

Там, в зазеркалье, под водой,
они мерцают вразнобой,
Но фейерверки их игры –
Недолговечные пиры.

Их радость жизни, их печаль,
Течением уносит вдаль.
И почему-то жалко мне
их в этой чёрной глубине.

1959. Междуреченск-Луганск

НАСТРОЕНИЕ

* * *

За окном расплываются
за ночь намёрзшие
льдинки,
рдеют капли румянцем,
встречая весну –
точно светлые слёзы текут
по стеклу,
точно плачут
сверкнувшие
в солнце снежинки.

На реке лёд источен сырыми
ветрами,
мокро лужи блестят
на снегу,
тополя одинокие
в чёрном логоу
наготу прикрывают
стыдливо ветвями.

Горечь запахов прелых
мне голову кружит
терпким, пьяным осенним
вином.

Скорбь и радость
за этим
оконным стеклом.

Март 1962. Луганск

Новогоднее

Я не могу
идти.

Во мне
остановилась
жизнь.

Я весь горю,
жжёт тело
сюрприз
мне твой
белым
огнём
и льдом.
Кого-то ищет
страх,
кружит над
городом.

Я не могу
идти.
Во мне
остановилась
жизнь.

Побитым псом
верным
она дрожит.

Иль в страхе
смерти
она дрожит.

И красной
струйкой из
вскрытых вен бежит?

НАСТРОЕНИЕ

На белом снеге –
кап-кап –
пунктир.
Куда пойти
мне дорогой скольз-
кой? –
В тир?

Там пистолет,
я сам –
мишень.
Вот и ответ –
в висок
кистень.

Гирлянды
звёзд
шлют людям
привет,
а для меня
здесь
людей нет.
Пустыня,
ночь,
грязный
рассвет
на этой
лучшей из всех
планетⁱⁱⁱ.

1 января 1963. Луганск

* * *

Всё так зыбко на этом свете,
всё так хрупко, что даже
страшно.

Час назад я считал, что летом
мы уедем с тобою вместе,
и не знал, что считал напрасно.

Никуда мы теперь не поедем,
а поедем – так в разные стороны.
Вместе нам не встречать

восходы,
Нас с тобой разведут дороги –
Видишь, в жизни как всё
неустроенно.

И от этого мне не весело,
и ещё взгрустнётся не раз...
Фотоснимки лишь лгут
приветливо
мне улыбкой твоих серых глаз.

Март 1964. Луганск

СЫНОВЬЯ

Дима Платонов собрался в поход,
винтовку и саблю с собой он берёт
и пистолеты за пазуху прячет.

Вот на коне деревянном он скачет,
машет рукой и Илюшу зовёт:

Марш, марш за мною,

в атаку, вперёд!

Мчится лихой красновзвёздный герой,
смело с врагами вступает он в бой.

Вот крапива, повилика, репей –
клич раздаётся воинственный: – *Бей!*

Сабли сверкают, глазёнки блестят,
головы вражьи под ноги летят.

Папа, победа! –

кричат сыновья.

Ну, поздравляю, –

в ответ кричу я.

1972. Луганск

Под стук колёс

Вижу:

вновь разлука достаётся,
уплывает поезд в темноту,
засыпая, в детстве,
как в колодце,
я тону, переходя черту.

Все виденья солнечной поляны
в сумраке лесном воскрешены.
Крадучись, монгольские тюрбаны
проникают ночью в мои сны.

Маленький,
беспомощный и слабый
принуждён с тоскою созерцать:
под щемящий крик истошный бабий
расползается иноплеменных рать.

Старый князь в железном шлеме смя-
том,
крадучись,
бежит лесной тропой.

В битве полегли его отряды
крепкою дубовою щепой.

Сердце, как былиночка степная.
Повернуть бы время вспять
и встарь!

НАСТРОЕНИЕ

Подними же мёртвых
и стенающих,
уведи их с поля, Государь!

Собери их всех,
погибших розно,
воедино их соедини
и, явясь
нежданной силой грозной,
отврати жестокой муки дни.

Залепить глаза,
что б не видали,
уши воском намертво залить –
в языках огня в церквах сгорали
женщины с детьми.

Мне бы мощью сказочной налиться
на пути кровоточащих битв,
всадников
с загадочными лицами
у границ Руси остановить.

Но, увы! Ничто не поддаётся
заклинаньям
даже детских снов.
Как в бездонной глубине колодца
в памяти столетия оков.

1979. Поезд "Ворошиловград-Москва"

* * *

Болью череп расколот –
мир пьян вдрызг.
Бьют в перепонки молотом
капли кровавых брызг
Воздух дрожит слоями,
мир в миражи одет,
рухнувшими стволами
раздавлен мотоциклет.
В замедленном кинофильме
лениво-красная жуть:
резиновых граней линии
въезжают в алую муть.
Плоскость – в кружении,
дыбом встаёт земля,
в неистовом исступлении
бьётся душа моя.
Вывернута из кожи,
подвешена на крючок –
красное мясо гложет
беленький червячок.
Нерв обнажа, впился –
крик оборвал душу.
Как бы я не крепился,
а ведь я сильно трушу.
Не смерти боюсь.
Не рисуюсь.
Знаю, она – ничто.
Мне во сто крат хуже.
Кому моя жизнь? На что?

1978. Луганск

НАСТРОЕНИЕ

Самолёты ходят по кругу

Светлой памяти бабушки

Надежды Ефимовны

Самолёты ходят по кругу,
а, может быть, делают здесь
разворот,
а я, как мышонок, забившийся
в угол,
настроил на вой их свой плачущий
рот.

Беззвучно губы трясутся.

Зубы

бессовестно клацают

о стакан;

по расписанию

в ночь

через сутки

над домом огненный ураган.

Темень вспорота красным

пунктиром,

в разрывах –

лезвия синих лучей.

Мы вдвоём в опустевшей

квартире:

я

и бабушка

на груде вещей.

В этой всеми забытой квартире –

кричи – не кричи,

никто не придёт! –

один на один в озверевшем мире

Церковь Никола в Хамовниках

За кронами сверкают купола,
и неожиданно в столице открываю укромный уголок,
где старина цела,
где была времён сохранена веками.

Всего в каких-нибудь десятках трёх шагов
от перекрёстка двух московских улиц –
ревущей суеты схлестнувшихся штормов,
где так беснуется наш человеческий улей –
тут вдруг благоговейна тишина,
укрытая со всех сторон ветвями,
и среди зелени белеется стена,
из гущи куполов возносится глава,
и в солнце праздничная синь горит крестами.

Под куполами церковь. Ясность. Двор.
Дорожки, чуть примятые ногами.
Такими, как у бабушки, глазами
меня встречает её тёплый взор.

Она умыта радостью восхода,
морщин её разгладились черты.
Нет более запавшей черноты,
меня пугавшей в день ухода.

Расправилась согбенная спина.
Наивный непосредственный ребёнок,
в пастельные и чистые тона
обводом краски красной и зелёной
на плоскости, недавно побелённой,
узор окон расцветила она.

Приветливость – их общая черта.
На милосердие не наложить запрета.
Угаснув, догорит и это лето.
Неужто догорит и доброта?

Над кронами сверкают купола,
подпёртые могучими стволами,
и среди зелени вздымается стена,
из гущи куполов возносится глава,
и в солнце праздничная синь горит крестами!

1979. Луганск

Сон

Мне часто снится странный сон:
как будто снова я влюблён.

Я знаю – не была верна
подруга нежная моя,
но, если станет трудно мне,
надеялся – придёт ко мне.

И ты пришла. Но это сон.
Как прихотлив, как странен он:
печали старой острый меч,
недолюблённость

давних встреч...

И оттого, что это ты,
воскресли прежние мечты,
а оттого, что это сон –
в тоске глухой полночный стон.

В ночном бреду

Пусть мне твердят: «Не верьте в чудеса!» –
но чудеса ночами будут сниться.

Пусть журавли летают в небесах,
И пусть в руках лишь жалкая синица.

Весна идёт, но всё черным-черно;
из круга черноты меня позвали
твои глаза и сразу набело
круг тщетности надежд обрисовали.

Мы все в кругах; кругами синяки
легли под бледными больничными
глазами,
кругами ходим, возвращаясь на круги,
и ищем в них, чего не знаем сами.

И если мысль ведёт нас в никуда,
и если радость лишь преддверие печали,
зачем природою ты создана тогда,
зачем глаза так много обещали?

И если, как сейчас, с тобой вдвоём
по жизни мы пойдём угрюмо и сурово,
поверь, мы никогда не пропоём
ни песни радости, ни радостного слова.

1980. Луганск

* * *

Велишь забыть!
Как тягостно веленье!
В каком смятенье мыслей хоровод!
Велишь забыть,
но как найти забвеньё?
Мне без тебя темно...

Вперёд бессмысленно идти – там страх.
Вспоминанья – прошедшее.
Твоё лицо, глаза, бывлая радость
пыткою сознанья
из тайников
признанья
принимает за
не горечь забытья – за отголосок счастья
и за мираж любви в взволнованных слезах.

Сменить бы мне тебя, как ты меняешь платья,
но ты не куколка, а я не стрекоза^{iv}.

Не стянешь пелены привязанности старой,
хотя к чему теперь ненужные слова...
Пусть будет, как велишь:
пребудем в забытьи,
не помня ничего, что с нами было.
На наших письмах выцвели чернила,
не разберёшь уже ни слов, ни строчек –
ненужный хлам!
Но что-то было все ж?
Не потому ль так часто снятся ночи,
и в них зрачки глядящих в омут звёзд?

НАСТРОЕНИЕ

* * *

Илюше

Багровая полоска в облаках –
единственная краска,
что осталась.

На черноте ночной
такая это малость,
и так она беспомощно жалка.

И небу, и земле равно чужда,
последний отблеск тратит
нерасчётливо.

На горизонте
мрачный Чатыр-Даг
прорисовал зубцы свои
отчётливо,

как крепость, что стоит
на грани дня,
и, очертив собой бескрайность
ночи,
сам – антипод и света, и огня –
он поглотить и этот отблеск
хочет.

Лиловая полоска в облаках
последнею надеждою истлела
и, отлетев душой от тела,
Вселенную всю обратила
в прах.

И затаилась в тишине долина,
в ней огоньками строчку
прострочила
случайная далёкая машина,

чем черноту сильнее
зачернила.

И на земле не стало ничего.
Бесцветная тоска
залила сердце болью.
Во ржи над пропастью^v
не различить шагов.
Жуть одиночества парализует
волю.

И пустота звенит у самого
виска,
и я растерзан и раздавлен
до предела,
и только маленькая мягкая
рука
в моей руке доверчиво
теплела.

Доверчивая тёплая рука...
Тепло доверия... И долг перед
доверьем...
Любая здесь цена не высока,
и я не отступлюсь, поверь мне.

Наивной верой нежная рука
всплеск неживого страха
погасила —
в шагах моих уверенность и
сила,
хотя в кромешной тьме —
ни огонька.

1980. Алушта

Диме

Ленинградские бонзы, разваливая университет,
перевели часть факультетов и общежитий в Петергоф.

Васильевский остров, Тихвин, Петергоф –
мучительный "Бермудский треугольник".
Круговерть судьбы у невских берегов
мальчишке по плечу, но ты то уж не школьник.

В Петергофе – койка. В Тихвине – семья.
Разбросало все и вся на сотни вёрст.
На Васильевском – библиотечная скамья.
Хлеб науки, как известно, очень чёрств.

Качается вагон, на стрелках стук колёс.
Как всё связать, стянув в единый узел,
чтоб не было ни тягостных разлук, ни слёз,
ни триединства неестественного в вузе?

Когда страна начнёт нормальной жизнью жить,
и люди будут, не спеша, старательно стараться
работать и учиться, и любить,
и так, чтоб на куски не разрываться?

Ну, а пока колёсный перестук.
Испуганные тени на постелях,
и за окном шемящий тонет звук
в заснеженных дрожащих елях.

Апрель 1989. Луганск

* * *

Ещё февраль – а солнце жаркое
ясной свечой в небесной сини,
нарядами души расцвечены яркими,
которых в тревогах зимы
не носили мы.

Ликует солнце, смеётся погода,
в улыбках лиц золотые блики.
И резво взвиваются флаги на пики
навстречу весеннему празднику года.

Февраль 1990. Луганск

* * *

Я не поэт – как человек я мучаюсь.
Во мне беда своя и боль чужих людей.
Звериная людская неустроенность –
всего
страшней.

Устало веселюсь по случаю:
тоски бездонной нет!
И сущность бытия наскучила,
как сто раз читаный сонет.

Сентябрь 1990. Луганск

НАСТРОЕНИЕ

* * *

Из года в год
 под Новый год
то влажный снег, то мокрый лёд...
Но стоит ли печалиться напрасно?
Мы миримся с погодою ненастной,
воспринимая стойко всё, как есть –
пусть в этом будет маленькая месть
тому, кто чередою бед хотел бы нас оплесть.
Мы выше неприятностей, мы трезвы.
Мы понимаем, что не может Новый год
избавить от докучливых забот,
когда страна на крае бездны.
Поэтому не ждём мы от него чудес
и дорожим лишь дружбой, да работой,
работой до седьмого пота,
и сверх – любовью, вознесённой до небес.
Лишь стрелками часов небесный свод
 сомкнётся,
как уголками губ любовь нам улыбнётся.
7 января 1991. Луганск

* * *

Алисе

Наш парк – в строительных лесах,
В асфальтных мутных лужах блики,
И выцветшей ограды пики
Лазурью тычут в небеса.
Поникла ржавая трава,
Скрипят безжизненно качели,
И скучно падают капли
На голубые острия.
25 апреля 1991. Луганск

* * *

Снова дождь за окном,
Капли бьются о камень.
Вся в далёком былом
Потускневшая память.
Как тебя я любил
И под шорох дождя
В ночь тебя уводил...
Где ты, юность моя?

8 декабря 1991. Луганск

* * *

Наш мир развален, и просвета нет
в болоте равнодушья и усталости,
на свете не осталось тени жалости,
одна жестокость лишь в цене.

Декабрь 1991. Луганск

* * *

Зелёный свет под абажуром,
на стол ложатся тени гладко,
освещена моя тетрадка,
и взгляд сосредоточен хмуро.
Не знаю я, о чём писать,
давно стихи излились болью,
и, как себя я ни неволю,
мне уже нечего сказать.

25 января 1992. Луганск

НАСТРОЕНИЕ

Илюша

На ладошке – серый камень
с бледно-розовой полоской.
Самолётный след витками
ватой тает за окошком.

Я смотрю на серый камень,
я снимаю слой за слоем,
вот я вижу, как ты замер,
очарован солнцем, морем.

Снова слой, и снова вижу,
как напуган тьмою, ночью
под дождём по вязкой жиже
пробираешься на ощупь.

Слой – и снова остановка:
ты – в раздолье трав и ветра,
твоя детская головка
высоко маячит в ветках.

Между Ялтой и Алуштой
ночь глухая, но дивно ярки
звёзды высыпали густо,
Млечный путь – туманной аркой.

Я, от страха холодея,
в Судаке тебя снимаю.
На твоём лице халдея
пыль истории живая.

Павловск, речка, лес и белки.
С Димкою на лодках гонки.
Абордаж на самой стрелке.
Голоса над гладью звонки.

Слой последний –
на пороге
длинный, тонкий, неуклюжий,
заблудившийся в дороге
человек родной и чуждый.

1992. Луганск

Фото 8. Братья

НАСТРОЕНИЕ

* * *

Улёгся рыхлый снег на крыши,
в ветвях завис гирляндой сказочной;
ночное небо паром дышит,
морозным инеем загадочным.

Всё отчуждаясь, мы по саду шли вдвоём,
звёзд всех пронизанные ломкими лучами;
украдкой любовался я твоим лицом
и в темноте мерцавшими глазами.

В мою же сторону и не взглянула ты,
давно раздор, разлад шли с нами рядом,
лишь дальних колоколенок кресты
молили за меня
своим потухшим взглядом.

Не понимая, в чём моя вина
я говорил с ненужною досадой.
Молчала ты, и нас с тобой луна
сопроводила до калитки сада.

Качалось на снегу пятно от фонаря.
Ты уходила ровною походкой.
Была ещё надежда в том, что я
воспользуюсь заминкою короткой.

И что б тебя догнать и обернуть?!
И поцелуями согреть холодность щёк.
И объяснить нелепой ссоры суть.
Но всё упущено, и срок давно истёк.

И с той поры ложится ровный снег
искристой ватой на недвижимые ветки,
и время для меня остановило бег
на той, забытой уж отметке.

* * *

Печальной старости
усталых городов
ложится тлен на наши плечи,
и оплывают наши свечи
по мере прожитых годов.
1995. Луганск

* * *

Мой мозг ещё работает,
но в мыслях уже вялость.
В душе – тысячелетняя
усталость.
1999. Луганск

Эпитафия

Здесь я лежу –
того и вам желаю.
Не потому, что зол –
как раз наоборот:
у каждого свой путь
и свой сюда черёд,
и приглашением своим
его не ускоряю.
Желаю долго радоваться вам
и близким вашим и друзьям
на празднике, который жизнью дан,
но рано ль, поздно ли
который оборвётся.

НАМ ВНЯТНО ВСЁ...

Мы любим всё – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений....

Мы любим плоть – и вкус её и цвет
И душный, смертный плоти запах...
А. Блок

Тоска

В костюме
по последней моде сшитом безукоризненно,
лениво прикинувшись снобом изломанным,
с бледным лицом безжизненным
женщинам нравлюсь я избалованным.

Красивым женщинам, нарядно одетым,
изящным и хрупким от строгой диеты,
холодным, холёным
и отстранённым –
будто не женщины, а изваяния,
после бездонных ночей бессонных
несу я, лукавая, свои признания.

Я красоте неземной их льщу,
любуюсь платьем, что так к лицу,
и, проведив после танцев к столику,
я удаляюсь так равнодушно,
будто лечу в другую галактику
и ничего на Земле мне не нужно.

Но к чему другая галактика?
Мне известна земная тактика:
здесь не важно быть очень умным,
надо только суметь притвориться,
научиться смотреть в их лица
в заколдованном свете лунном
просто

и без волнения,
быть спокойным и резким с ними,
и немного странным в суждениях.

И, скрывая, что всё рассчитано,
изумляя, - не забываться,
заставлять всегда удивляться,
что такой вот ты,
неожиданный.

Несколько слов необычных при встрече,
смысл которых хитрит украдкой, -
не разговор – сплошная загадка,
и в какой-то тоскливый вечер,
магией слов, щемящих сладко,
заворожённые
приходят ко мне
за их простой и ненужной отгадкой.

Вовсе не скованные,
совсем не сломанные,
заинтригованные,
ну так, чуть-чуть,
и этим тонким
мостком соломенным
пройти мне нужно,
не утонуть.

Всё это так несложно,
так откровенно просто,
и с вдохновеньем ложным
ходишь по лезвию острому
легко и уверенно потому,
что не опасен срыв никому.

Но ведь бывает иначе,
бывает гораздо хуже:
становится очень нужной
та,
о которой судачил
с приятелем по секрету,
в влюблённость свою не веря.
Тростинка тонкая эта
собой заслоняет планету.

И если женщина
в туфельках узких,
с дрожащими каплями в волосах
сидит у тебя
и из грубой кружки
пьёт молоко,
и тепло в глазах
у неё
и усталость,
и если хочешь, чтоб это осталось
надолго, надолго,
и эта малость
тебе дороже любых наслаждений –
ты не начнёшь своих рассуждений,
лукавых, притворных, загадок полных.
Будешь с нею предельно честен
и поэтому станешь неинтересен.

Привлекает всегда то, что скрыто,
а моя любовь всем открыта.

Я весь на ладони,
я – нежность,
я – радость,
я – счастье слышать её дыхание,
мне сейчас от неё ничего не надо,
мне бы только продлить прощание.
Мне бы только в глаза ей смотреть всечасно,
в руках её хрупкие пальцы сжав,
но я уже чувствую – всё напрасно,
мне эту женщину не удержать.

Не удержать –
пренебрёг наукой,
всё, что было
стубил одним:
однообразьем преданной скуки,
потому что с любимой
не смог быть иным.

Смешно,
грустно,
до боли жалко
и очень горько – ушла с другим.
Ушла, накрывшись косматой шапкой,
с лицом красивым,
тревожным,
чужим.

Кажется, небо – всплеск нервов,
сжалась в кричащий комочек ночь,
сузился мир до шагов их мерных,
и мне никто не сумеет помочь.

Я не кричу,
глаза свои узкие
сплющив от горя до невозможности:
с детство воспринято
мудрое русское –
молча и просто встречать безнадежность.

Я не кричу,
не сломлю своей гордости
и в этой –
такой безысходной –
горести.

Что ж,
пусть уходит,
всё равно, кто с ней рядом...

Я лгу,
мне больно,
но её мне не надо.

И вот эту
боль
заглушив слегка,
беспечно новые завожу знакомства.

Боже,
какая это тоска! –
это моё позёрство.

1962. Луганск

Додекафония

Не великий артист
Француз-пианист,
но город как будто в экстазе –
поклонение подобно заразе.

Филармонический зал
полным-полно
набит "меломанами" –
вы уж простите,
это, конечно же, вам

не Рихтер,

который

здесь же – в пустом зале

играл
перед некоторыми
вами.

Играет Бетховена плавно, прилизанно,
будто Бетховен заодно с подлизами.

А где громовержец?

Титан столкновений?

Искушённая публика в недоумении,

зал за нею –

как за иглой нитка –

аплодирует жидко-жидко.

Дебюсси у него намного лучше,
но однообразен, а это скучно.

Встал,

поклонился.

Берёт цветы
у девочки.

Элегантен,
галантен,
дамам целует ручки.

Уходит.

Зал руками плещет

Больше за ручки дам –
смешок по задам.

Хлопки угасают
 подобно птицам,
взмывающим ввысь.
Но не разбиться
моим ладоням!
Я недоволен!

Не заурядности этой мне мало –
я издеваюсь над меломанами.

Сижу и хлопаю один в зале.
А это ведь страшно, чёрт его знает!
Жутко сидеть одному и хлопать.
А вдруг обвалом всеобщий ропот?..

Что?.. Не нравится?

Ну и тем лучше.

Пусть-ка француз вас ещё помучает.
К тому ж озорство не даёт мне покоя:
а может, услышим и не такое?

Врежет по головам,
по шеям –
возьмёт и выдаст что-либо стоящее.

В негодовании хлопаю так энергично,
что окружающим неприлично.

Один не выдержал,
робко похлопал.
Другой, третий –
и в зале грохот.

И – как ножом по листу бумаги –
тишина
 обрезала взрыв отваги.

На сцене
ярко-пустой
вижу я:
дева в чёрном –

сама симфония –
объявляет:
Булез. Додекафония.

Первые звуки:
трам... трам –
не под стать
привычным нам
диссонансам.

Глаза изумлённо на сцену пялю.
Кое-кто шепчет:
Молотком по роялю!

А звуки бушуют в дикой бессвязности,
но в этой бессвязности нет безобразности,
и в удивленье себя ловлю я
на том,
что хаосом этим люблюсь.

Звук сильный,
резкий,
неровный,
нервный
во мне отдаётся волной напевной.

Я в клавишах, бьющихся беспорядочно,
уже ощущаю какой-то порядок,
скажем, порядок иного порядка,
вроде порядков войны и разрядки.

Обрушился мир отживших явлений,
отныне правит
научный
гений.

Отныне неопределённые
импульс
и положение,
и невозможно принципиально
составить мнение,
что именно
произойдёт,

где и когда?

Но это, как видим, совсем не беда.

В мире галактик, сорвавшихся с места,
всё замешано из другого теста.

Там, где смешались все мультиплеты,
эти дуплеты,
синглеты,
триплеты.

Там, где фотоны, нейтроны, нейтрино,
где резонансы, странности, спины, –
там никакой нет дисциплины,
властвуют там, на глаз, не причины,
но и, отнюдь, не мистика,
а вероятность и матстатистика.

Ну а музыка?

Музыка глухо

в моё целомудренное ухаёт ухо,
и я напряжённым струнным строем
на всё отзываюсь эхом утроенным.

Мир треснул,

расколот,

он разрывается.

А разве в нас миры не взрываются?

Разве в хаосе косных звуков
нет живой человечьей муки?

И в общем бедламе

на нашей планете

не живут ещё матери,

жёны,

дети?

И разве уже совсем устранима

потенциально

опасность нового взрыва?

Нет, я захвачен этими звуками
не от зелёной вселенской скуки.

Я им

созвучен,

НАМ ВНЯТНО ВСЁ...

они мне –
вот и всё моё резюме.

Что человек по сравнению с орбитами?
Любое сравнение будет избитым.
Комочек плоти микробом маячит,
но это что-нибудь всё-таки значит:
сдирая с себя земные оковы
вечно готов к устремлениям новым.

Не бессмертный,
и не всесильный,
оступаясь, падая,
сказку былью
делает.

Веря в свою звезду,
Не склоняет голову и в аду...

Над озверевшей фашистской стаей
гордо встал ледяной статуей^{vi}...

Стынет кровь, стынет стон, стен камни глухи –
сквозь камни

пробились

его стихи^{vii}...

... Но что-то мешает –
соседи плюются:

Над нами,

кажется,

издеваются?

Зло обрываю их:

Или молчите,

или *"к чертям с матерями катите!"*^{viii}

Друзья в удивленье:

сошёл с ума?!

А у меня

холодным восторгом

горит голова.

В дебрях Вселенной,

невидимый сразу,

бьётся тоненькой жилочкой разум.

1978. Луганск

Ночные дожди

Взгляни на эту ветвь: она суха, невзрачна,
Упрямо хлещет дождь по ней струёй прозрачной,
Но кончится зима и скроется вдаль,
Появятся на ней зелёные листочки,
И спросишь ты меня: "Как тоненькие почки
Сквозь толстую кору прорезаться могли?"
В. Гюго

1.

Ночь резкими порывами распахнута, –
она со сна сейчас совсем распатлана, –
и ошалелых два моих зрачка,
как два испуганно трепещущих щенка
перед необъятностью косматою,
уткнулись мордами в её причёску смятую,
не видя ничего.

Вода
из водосточных труб как из ведра;
вода завесой с крыши скатывается,
каскадом брызг меня окатывает,
и старый страх меня охватывает.

Смятения не в силах превозмочь
шагаю в эту ветреную ночь
с её короткими неистовыми шквалами,
с залитыми водою тротуарами,
со ржавым хлопаньем разболтанных дверей,
с размытыми мазками фонарей,
с зарядами дождя раскосыми,
с её берёз нечёсаными косами.

Бросаюсь я ничком в колени ночи –
пусть приглушит всё, что во мне клокочет:
сумятицу переживаний,
растерянности, колебаний,
боль неудач, неверие в удачу,
боязнь, что навсегда тебя утрачу.

Пусть успокоит трезвостью дождя
иль, ярость до предела накаля,
взорвёт мой разум перенапряжённый,
и обессиленный, опустошённый
у ног её улягусь псом смиренным.

Смятения не в силах превозмочь
я ухожу в тебя, о, ночь!

2.

Вот площадь,
скверами окружена,
темна,
передо мной ночным бездонным
зеркалом легла.

В нём
чёрные глыбастые дома –
создания тяжёлого ума;
свет одинокого окна
мерещится
приткнувшейся на антивисоте
скворечницей.

В нём тонут редкие прохожие,
деревья, чем-то на людей похожие,
в нём
горизонт
и вертикаль
смыкаются,
два чуждых мира
в нём пересекаются.

Сошлись здесь в точке
спящая вода,
мои шаги
и тусклый столб огня,
и чей-то силуэт
в зашторенном окне –
мистический квартет
в потустороннем сне.

Они в себе других не замечают,
свою незащищённость обнажают,
но и чужую боль не ощущают,
не отзываясь на неё сочувствием,
они холодны и бесчувственны:
всего лишь наложенъе отражений
из несоизмеримых измерений...

Вот так и мы с единственной той
с необъяснимой слепотой
в одних компаниях общаемся,
на тех же самых улицах встречаемся,
но всё никак не догадаемся:
мы оба –
целое,
разъятое на части;
нельзя нам порознь, –
мы же безучастно,
соударяясь взглядами упруго,
бесплотно проникаем друг сквозь друга.

3.

В насторожённой тьме насупились стволы
и ветки мокрые корявые свои
простёрли робко, сиротливо,
и мне чего-то жаль невыносимо:
зелёных листьев ли в проклюнувшихся почках,
берёзовых серёжек в влажных мочках,
всего, что в жизни нашей торопливой
стремится мягко, терпеливо
согреть теплом наивного добра,
дав выпить самое себя до дна,
всем обнажив прекрасное в себе,
не ведая ещё о жизненной борьбе.

О том, что даже нежная рука
порой бывает очень жестока.

4.

Полощет дождь бордюры и балконы,
ущелья улиц, парки, стадионы,
столбы, скамейки, статуи и стены,
торчащие над крышами антенны,
колонны, трубы, краны и машины,
и тусклые витрины магазинов,
на остановках хлипкие навесы,
флагштоки, вознесённые отвесно.

Дождь, как не в меру расшалившийся малыш,
бесстрашно прыгает

по скользким скатам крыш

и, вымыв дочиста всё до последней гайки
с дотошностью заботливой хозяйки,
бросает разом здесь свои дела
и – дальше, закусивши удила.

Весь город обновлён, отмыто блещут окна,
столбы глазурью отливают мокрой,
асфальт скользит чешуйками графита,
сияют плиты серого гранита.
Горят рекламы, как далёкие костры,
и тени воздуха прозрачны и чисты,
и он на вкус и холоден и ломок,
и сладок он, как хлеба свежий ломоть
с водою леденящею ключа;
небрежным росчерком луча,
словно резцом, отчётливо, без робости
рисует он мельчайшие подробности.

На улице безбрежной и пустынной
перед глазами ветвь невзрачная рябины
с проклонувшими кору почками,
с изгибами, развилками, сучочками
в тончайшей плёночке воды,
как в блёстках крошечных слюды...
И капли с них свисают, как слезинки
или овальные искрящиеся льдинки.

Уставший дождь накрапывает сонно
и убаюкивает стуком монотонным,
и влажность улиц плотно, как волной,
меня накрыла вязкой тишиной.

5.

Иду по улице, разбрызгивая лужи,
в ожесточении запахивая плащ потуже
от ветра и дождя.

В ботинках пока сухо,
капли по зонтику постукивают глухо.

Но непогоде я смотрю в глаза:
полнощный грузовик,
нажав на тормоза,
скользит по гладкому блестящему асфальту,
горизонтальное вычерчивая сальто,

и, повторив его замысловатый пируэт,
поток воды сливается в кювет.
Светильники закрыты колпаками,
как судорожно сжатыми руками,
но изморось под ними освещается
и резкость граней ночи размывается
молочно-золотистой кисеёй,
парящею над мокрою землёй.

Свернулось неподвижно змеёй
кольцо канавы с аспидной водой,
лоснится улица сапожной ваксой,
и фонарей размазались кляксы,
и ими освещённая трава
зелёные образовала острова
и вместе с чернотой стволов муаровой
зеркальность обрамила тротуара.

Но всплески ровности зеркальной не щадят,
поверхность чистая туманом насыщается,
вскипает брызгами,
взрывается
фонтанчиками капелек дождя,
и отраженье фонарей смягчается,
смиранным становлюсь и я.

6.

Во мне уж нет неистовства бессилия:
среди грозы – полоска в небе синяя,
как дальняя неверная надежда,
что вопреки всему в нас тлеет неизбежно.

Контрастом уличному смутному свечению
сияет площадь ярким освещеньем,
и вместо призраков, что ум воображал,
здесь вспыхивает красок карнавал.

Здесь празднество рекламной красоты
на фоне беспросветной темноты
подобно драгоценности, сияющей
на чёрном бархате, огранку оттеняющем.

Здесь ночь танцует
с нестерпимо красной краской,
и полутени в разноцветных масках,

НАМ ВНЯТНО ВСЁ...

по плоскостям взбираясь не спеша,
выделяют чудо-антраша;
всполохи пламени – те, что ко мне поближе –
нагие стены языками лижут.

Взвихрённый огневою каруселью
пустился воздух в шумное веселье;
порывами закручивает он
дождинок россыпь.
Приглушённый стон
звучит сигналом буйному вторженью –
и в небе ураганный шквал движенья.

Стреляют хлётко лозунги и флаги,
и в безрассудно бешеной отваге
лохмотья туч сшибаются со зданьем,
и ива в сумрачном полусознание,
как в пору тяжкого военного прощанья,
горизонтально пряди распустила
своих волос с русалочным отливом.

И лишь один в ревущем океане
приземистый театр стоит, как изваянье.
Рёбер стальных косые паруса
он распустил в бегущих небесах
туда, куда и надо и не надо,
и, может быть, поэтому преградой
порывам беспорядочным стоит
незыблемый стеклянный монолит,
и в этом мире зыбком и тревожном
лишь он один мне кажется надёжным.

А дождь и ветер в дикой злобе ярятся,
и струи брызг, сбиваясь вместе, гранятся,
и острый луч бьёт по моим глазам,
как будто ночь грозит: за всё тебе задам!

Зонт выворочен с треском наизнанку,
подобен он безумному подранку:
весь ошестинился обломанными спицами,
к нему теперь не подступиться.

И, торжествуя, непогода воет,
и я позорно покидаю поле боя.

1979. Луганск

Любовь

Любовь явилась не одна,
а сразу две любви,
и каждая из них была
достойной жрицею любви.

Они в полупустой вагон
вошли на станции метро,
как в лёгкий и счастливый сон
через прозрачное стекло.

Вошли и сели предо мной
телами женскими дразня,
и жаркой розовой волной
всего укутало меня.

Две девы, вольно обнажась,
не опуская долу глаз,
скорей наоборот, гордясь,
всё выставляли напоказ.

И от плеча к плечу чрез грудь,
быть может, выражая суть,
в ложбинках, холм с холмом связав,
у той и этой буквы "love"^{ix}.

Вот так-то,
сразу две любви
зажгли желание в крови.
И, право, кто любви не рад?

Она - награда из наград!
Готов любовь я пить до дна,
но их ведь две, а не одна!

Возликовать?!

Реветь ревмя?

Что делать сразу мне с двумя?
На ком остановить свой взгляд –
Нельзя же двух любить подряд?!

Две девы молоды. Весна
мощью своей упоена

тугою плотью их тела
по формам платьев отлила.

Так щедро наделила дев
всем, чем положено, сполна,
что оценить их, не раздев,
легко б позволила она.

Но ведь и девы-то не прочь
таким стремлениям помочь.

Их ноги голы до... но я
не назову
чего –

нельзя.

В разрезах смелой глубины
груди весьма оголены.

Красивы обе: та и эта.
Одна впитала смуглость лета, –
другая, как зима бела.
С какой из них судьба свела?

Если без выбора судьба
даёт желанную сама,
нам не нужна с собой борьба:
всё просто –
любишь без ума.

Не удалась любовь твоя, –
казнишь судьбу, а не себя.
А если выбор был?

И вот
потом окажется не тот –
тут сам себе не станешь мил:
не ту, что нужно полюбил.

Легко насмешнице весне
давать двух дев на выбор мне.
Но как задача не сложна,
она должна быть решена.

И оценив пристрастно их
тела,
их лица,
их глаза,
я выбираю из двоих,
чья незнакомее краса.

Солома спелая волос,
кровь с молоком в её щеках,
коленей оголённых лоск
и бледность в нежных тайниках.

Всё в ней прекрасно, все живёт:
и чувственный порочный рот,
и круглый девичий живот –
к нему так страстно платье льнёт.

Подола линия легла
поверх округлости бедра,
меж сжатых ног под тканью мгла –
захватывающая дух игра!

Смогу сравнить ли
с чем-нибудь
ту обольстительность бедра,
тугую молодую грудь –
два беловспенных ядра!

В ней сила диких кобылиц
созревших – некуда спелей,
и в синеве её глазниц
зной солнцем выжженных степей.

Чуть приоткрытым манит ртом –
весь наслажденьем дышит он.
С открытым жаждущим лицом
она сама как томный стон:
цветочный лопнувший бутон,
налитый солнечным теплом.

Связь грубой мощной красоты
с бесстыдством женской наготы,

НАМ ВНЯТНО ВСЁ...

так многое пообещав,
влечёт к себе,
... но это... "love".

Любовь интимна и темна,
не афиширует она
ни своих ласк, ни своих мук,
ни радость встреч, ни боль разлук.

Но если тело напоказ –
все тайны исчезают враз.
Горит желание в крови,
но отвращает от любви
вульгарности безвкусный сплав
с прекрасным этим словом "love".

Себя я пересилив,
Встав
И иронично губы сжав,
Взрываю между нами мост:
What do your love cost?^x

Она меня не поняла
или понять не захотела,
лишь равнодушно поглядела,
а вскоре встала и ушла.

Ушла любовь, и с ней другая.
Любви не стало ни одной.
Всегда, чрезмерно выбирая,
я дорогой плачу ценой.

Мерещится мне луг и клевер,
прохлада нежная груди,
и уже кажется, что деве,
пожалуй, зря я нагрубил.

Что, если в ней одна бравада
могучей плоти?!

Я не прав.
Во всём, конечно, виновата
Безвкусица таблички "love".

12 июля 1980. Луганск

Причастность

В хрустальной вазе
на моём столе
роза,
воспетая всеми поэтами...

На полированном блеске морёного дуба,
в резном обрамлении граней алмазных
роза умело себя показывает
в зелени листьев,
очерченных грубо.

Лепестки у этой розы
нежнее бархата девичьей кожи.
Запах – чище дыханья любимой.
Краски её – едва уловимы,
как освещённость – перед рассветом
лёгких туманов раннего лета.

Я в умиление от этой розы
отрешаюсь от будней житейской прозы.
Презрев заботы, тревоги, дерзання,
с невинно трепетного создания
я готов глаза не сводить часами:
... солнце упало на стол лучами,
капли воды на прохладной розе
вспыхнули изморозью морозной.

Жёлтым, зелёным, оранжевым, синим
сыплет колюче в лицо мне иней
и угасает.

Роза теплеет,
капли на ней,
наливаясь, рдеют,
стынут, темнея,
густым соком винным
и, тяжелея,
красным рубином
с розы срываются и разбиваются.

Стук... тук, та-та-та –
нарастает стремительна их частота.
Не ароматной хмельною брагой –
роза сочится кровавою влагой.

Капли густые, солёные, влажные,
капли горячие, обезображенные.

НАМ ВНЯТНО ВСЁ...

Нет уже розы – в зелёных ладонях
красное сердце отчаянно стонет.

Что за зловещая метаморфоза –
сердце в форме бутона розы?!

Я весь забрызган кровью любимой,
роза режет глаза нестерпимо.

Алые пули – в стены квартиры.
Красные капли – чёрные дыры.

Витают химеры безумной картины:
чёрные пули – красные дыры.

Огненной трассой
жгучие пули,
словно взбесившийся яростный улей,
в тела впиваются,
разрываются,
тела безвольно в коленях ломаются,
рядами валятся и в одиночку,
будто машинной прошитые строчкой.

Сломан ряд, замолк автомат –
красные дыры в небо глядят.

Где их любимые, где их видения? –
здесь навсегда провалилась материя:
то, что в сознании красочным миром
жило, цвело, наслаждалось, любило...

Чёрные пули – край красной могилы,
алые капли – чёрные дыры.

Окостенели.

Скованы.

И даже муха
никогда не коснётся теперь их слуха.

А солнечный день так ярок,
прекрасен!

Отклика нет.

Мысли погасли.

И снова химеры кровавой картины:

красные капли –

чёрные дыры.

Чёрные пули –

красные дыры –

на пепелищах серые дымы.

Владимир Платонов

Слово в горле судорогой цепляется,
но что слова, если всё продолжается.

Роза прекрасная.

Лужа красная.

Что чёрные дыры там, в мироздании?! –

чёрные дыры в нашем сознании.

Что красные розы на письменном столике?! –

красными взрывами небо расколется...

Мой бывший товарищ,

мой друг и мой брат!

Не знаю,

кто ты,

как тебя звать,

не знаю,

кто твоя мать,

но если ты пришёл убивать –

знай! –

и тебе живым не бывать.

Жаль, но тебя придётся убить,

если иначе детям моим не жить...

Но это не выход.

Зло и беда,

вражда

нам с тобой

не нужна

никогда!

Я руку дружбы тебе протяну –

бросай автомат и кончай войну.

Отныне – добрые только дела,

чтоб слёзы ни мать, ни вдова не лила,

светилась бы радостью глаз детвора;

Не бурьяны б

у порога двора –

красная роза на счастье цвела,

чтобы капли,

как звёзды,

горели алмазами.

Свежая роза –

над гранями вазы.

1996. Луганск

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит.
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжёт, и губит.

А. Блок

Раз так стряслось, что женщина не любит,
Ты с дружбой лишь натерпишься стыда.
И счастлив тот, кто сразу все обрубит,
Уйдёт, чтоб не вернуться никогда.

К. Симонов

Просьба

Л. В.

Может быть, писать не надо
было,
Может быть, ты обо всем забыла –
это, впрочем, ясно без письма.
Может в сердце неприязнь тая,
Ты читать не станешь даже. Я
Лишь скажу себе: она права.
И письмо в напрасное волнение
Привести не сможет грудь твою,
Я ведь не молю о сожалении
Не взываю тщетно: *"Я люблю!"*
Всё уже давным-давно забыто,
Прошлому я не кричу:
"Вернись!"
Связь непрочная и хрупкая
разбита
И пути, конечно, разошлись...
Так к чему воспоминаний
старых,
Кровь волнующих при виде глаз
лукавых,
Снова сонм плывёт передо мной?
Для чего опять меня пленяет
Лёгкий смех, что с губ твоих
слетает

Твои, любимая, пленил меня
с собой.

Издалека он сумрачно темнеет,
Но ближе подойди – как всё вдруг
просветлеет!

Редееет теней мгла,
и сосны при луне
Стоят, озарены, в волшебном
серебре,
Небрежно снежные покровы
разбросав
По пышным кронам и густым
ветвям.

Как всё в нем полно тайного
значенья –
Глухая тишина, деревья
без движенья,
Застывшие в покое горделиво –
Все это мне и дорого и мило!

И как мне не любить сосновый
стройный бор:
Ведь здесь подняв ко мне свой
нежный чистый взор
И рдея от смущенья, и дрожа,
Ты прошептала: "*Я люблю тебя*", –
И, голову в тревоге отклоня,
Губам моим ответила... И я
Поверил:
кончилось зимы владычество
в сердцах,
И на увядших осенью кустах,
Согретые дыханием весны,
Распустятся чудесные цветы
Любви и радости.

Декабрь 1954. Кемерово

* * *

Померк снова блеск неразгаданных глаз,
И губы не тронет улыбка,
От ласковых шуток и шумных проказ
Лишь память осталась зыбкая.

Я вижу: не терпишь случайных обид,
И вздорность тебя от любви сберегает.
Что в душу твою – не решу! – проникает?
Гранит бессердечия что сокрушит?

Моя жизнь – в руины! Тебе что?.. Смеясь,
Средь жалких обломков под вечною ивой,
Волной набегашь и нежно, красиво,
В коварном смиренье бесшумно плещась,
Изгибом зелёным утёс окаймляешь
И лижешь – и точишь, целуешь – и ранишь.

9 января 1955. Ленинск-Кузнецкий

* * *

Не любила, значит,
Коль простить
не можешь –
Разве к нелюбимому
Сердце
приворожишь?

9 января 1955

* * *

Напрасно у её дверей
Брожу, отчаяньем томим,
Напрасно я о встрече с ней
Мечтаю – ведь ушла с другим.

И где, скажи, набрался б сил
Забыть о всём, что так любил,
Когда б прекраснейших людей
Я в жизни не встречал своей.
В беде заботливы таких,
Что жить готов я хоть для них.

11 января 1955. Ленинск-Кузнецкий

* * *

Ужель остаток дней своих вот так уныло, одиноко,
Средь незнакомых и чужих, терзаясь мукою жестоко,
Мне предстоит влачить.

Ужель

жизнь догорит так пусто, глупо?

Ужели на сердце метель

вечна, и солнце даже скупю

Моей души не озарит

и боль улыбкой не смягчит?

Ужель в отчаянье глухом

страдать бессонными ночами

Без счастья, без любви, в печали,

Терзаясь думами о дне, когда

безмерно счастлив был,

И одним словом всё сгубил.

Да, полно ль, был? Забыл, забыл

я содержание двух строчек:

Зачем искать того,

кто найден быть не хочет?!

10 января 1955. Ленинск-Кузнецкий

Ко дню твоего рождения

Л.

Вот и пришла весна,
 которую так долго,
 нетерпеливо ты ждала:
простая,
 русская,
 неяркая вначале,
но сердцу милая весна.
Осев, растаял грязно-белый снег,
текут ручьи,
 повсюду грязь
 и лужи,
берёзки голые беспомощны,
но им
 уже покой зимы не нужен.
И, радостно приветствуя весну,
 готовят к празднику зелёную
 листву.
Так и расстались мы с зимой...
Прошло немного дней –
 и молодой листвой
 деревья шелестят...
И, терпкий горький запах источая,
 черёмуха цветёт
В начале мая
 уже нарядна и свежа
 любимая тобой весна
В начале мая и твоя весна...
И вижу я, как ты оживлена
за праздничным столом,
 внимая
речам друзей, задорно поднимая
к губам стакан искристого вина,
 как пьёшь его до дна.

ДА, ТАК ЛЮБИТЬ, КАК ЛЮБИТ НАША КРОВЬ...

И весело тебе.

И хмель отважно бродит в голове,
и молодость в тебе кипит,
и пред тобой ещё стакан налит.

Лукавой ты улыбкой даришь всех,
очарованием пленяя даже тех,
кто не любил тебя.

Дана была тебе счастливая черта:
огонь твоей души, горя,
прекрасным блеском освещал
глаза

И я, любя горящий взгляд,
хотел бы всё вернуть назад...

Но знаю я, сейчас другой
твой ловит взгляд.

Чужой рукой ласкает волосы тебе,
и всё его.

И шея, где
едва пробившийся пушок.

И локон, свесившийся на висок.

И губы влажные, знакомые
до боли.

До боли, да.

Прости –
мы все ведь иногда грустим.

Тех дней, когда мы были вместе,
ничем не воскресишь,
прошли.

И это горькое: "Прости" –
приходится писать уже чужой
невесте.

1958. Междуреченск

* * *

Ты свои оголила колена –
плоти блеск метнулся по залу.
Он – с Кавказа – нёс розу алую,
пред тобою замер блаженно.

Но тебя не смутил его взгляд,
алчно впившийся в губ твоих
алость.

Для тебя – это только шалость.
Он же – в дрожи до самых пят.

Прошептали в одном углу:
А красивая вышла б пара...

В это время в глухом бору
я смыкал пролёты из балок.

Я поверил тебе тогда,
в чистоту твоих светлых дум,
в голубые мечты – города,
но сокрыт от меня твой ум.

Ты, монахом меня держа,
лишь себе пределов не знала.
Только время пришло, и ржа
в зеркалах проступила зала.

С кровью выдрался я из плена
колдовских и недобрых чар.
Для разбойников – янычар
ты свои оголяла колена^{xi}.

Любовь – сумасшествие, как кем-то сказано было. Тем более любовь неразделённая, безответная. Но ведь и не разделённому сумасшествию когда-то приходит

КОНЕЦ.

ПОСЛАНИЯ ПО СЛУЧАЮ

* * *

Александр Погарцеву
надпись на книге В. Маяковского "Клоп" и "Баня"

Саша!

К лицу ли нам лицемерить,
славословя
достоинств
тяжкое бремя?!

Не будем сегодня
заслуги мерить,
ещё настанет такое время!

Сгоряча закатав рукав,
как прежде –
бой всяческой
дряни!

Капиталистическому анахронизму –
клопам –

даёшь
горячую
социалистическую
баню!

Март 1975. Луганск

* * *

Широковым Доле и Вите

Последние срывает листья осень
и гасит прозрачную янтарность красок.
За стёклами туман тягучий вязок:
Ноябрь уныл в набрякшей хвое сосен.

Но в тягостном течении времён
есть и отрада – снова блещут краски:
дома надели праздничные маски,
и улицы в кострах знамён.

На фоне смертной наготы деревьев
так ярко красным цветом бьёт в глаза,
что не проникнуться нельзя
его неистовым гореньем.

Кипи же жизнь и в осени ненастной,
и с солнечным нечаянным лучом
её по кругу новому начнём.
Пока живём – жизнь не напрасна!

Нальём вина в бокалы наши
за радость предстоящих дней,
за всех нам дорогих друзей,
среди имён которых – ваши.

Ноябрь 1979. Луганск

* * *

За яркость женской красоты –
источник всех мужских талантов –
я девочкам в нарядных бантах
таскал охапками цветы.

Мне женщину с рожденья суждено
на пьедестал воздвигнуть непременно,
но долго, *чтоб казаться современным*
я не цветы носил им, а вино^{xii}.

Прошли года, маячит вечер –
раб романтических стихий
слагаю женщине стихи,
не смея думать уж о встрече.

За чудо женской красоты –
источник силы и таланта –
дарю я в день Восьмого марта
тебе стихи, вино цветы.

Март 1980. Луганск

* * *

Уже ноябрь, но празднуем Октябрь,
вернувшись в прошлое на две недели –
вот если б годы наши так летели:
вперёд чуть-чуть – и чуть назад, в октябрь!

Во славу золотого Октября
стаканы по-студенчески содвинем
и лет ненужно тяжких бремя скинем
пред ликом милых женщин, что любя,
нас заставляли быть и тоньше, и умнее –
ведь, чёрт возьми, всё на земле бледнеет
пред ними в обрамлении октября!

Так здравствуйте! Безбедно и беспечно!
И ленту лет, плывущих бесконечно,
пустите вспять, вступив в ноябрь:
ещё не поздно – впереди Октябрь.

Ноябрь 1980. Луганск

ПОСЛАНИЯ ПО СЛУЧАЮ

* * *

В. Каменевой

Уходит в вечность беспокойный год.
Год робкой веры, разочарований,
надежд несбывшихся и новых ожиданий –
ему ещё предъявит время счёт.

Он в марте ветром ледяным дохнул
так, что борцы на время онемели^{xiii}
и три недели рта раскрыть не смели,
пока апрель им голос не вернул^{xiv}.

Год щедр был на посулы и на беды,
на грань отчаянья бросал он города^{xv},
но – милосердный к стойким – иногда
он позволял одерживать победы.

Он много белых, тайных пятен стёр,
открыл, как мёрли с голоду кормильцы,
как тяжело и мой, и ваш однофамильцы^{xvi}
несли свой крест, всходили на костёр...

Но Бог с ним, с этим годом! Его дни
уж сочтены. Простимся и забудем.
Мы в будущем, и мы живые люди,
нам светят новогодние огни!

И жизнь любя, в неверии мы верим
в надежду, справедливость, красоту.
Хотя бы Вашу доброту
какой мы мерою измерим?

Декабрь 1988. Луганск

* * *

Н. Ф. Расторгуевой

Вы, как всегда, полны очарования,
Вы так внимательны, любезны и добры.
Мы знаем это и такое знание
Не против Вас ли обращаем мы?

Мы все попасть на кресло к Вам стремимся,
хотя, понятно, что не кресло нас влечёт:
под Вашими руками не боимся
мы боли иль смолчим, коль припечёт.

Чудесный дар врача – участливость, улыбка,
она и красит Вас и нам сулит покой.
Бывает нелегко – ведь в жизни всё так зыбко,
но как нам хорошо с улыбкою такой.

В дни ожидания начала года,
когда желания загадывают впрок,
мне хочется, чтоб к Вам была щедра природа
и всё задуманное исполняла в срок.

И, думаю, не сделаю ошибки –
всегда пусть будет повод для улыбки!

Декабрь 1988. Луганск

Очаровательной дантистке

*Какое дивное лицо,
какие трепетные руки!* –
так начиналось бы письмо
в согласье с нормами науки,
когда бы сбросил бремя лет
хотя бы годиков на тридцать...
Увы! Ничто не повторится,
хочу я этого иль нет.

Я написал бы Вам сонет,
но я боюсь,
боюсь взаправду.
Быть ложно понятым боюсь
и пострадать боюсь за правду.

Ведь время всё своё берёт
и ничего не оставляет,
уже вот зубы выпадают...
Простите мне мой прозаизм –
хоть мы вросли в социализм,
но зубы в нём не вырастают.

Уходит медленно состарившийся год,
огнями ёлки переливчато блистают
и призрачное счастье обещают,
и музыкой влекут в чарующий полёт.

Да будет он удачным – Ваш полёт!
И пусть назло чертям, наперекор ненастьям
не призрачным, а настоящим счастьем
одарит Вас грядущий новый год!

* * *

Прелестной женщине
писать в письме стихи –
какая же приятная работа!
Но мне работать нынче неохота
не потому, что не прелестны Вы.
В Вас столько живости, очарованья,
сердечности, Вы так всегда добры,
но, согласитесь, что такого знанья
хватает мне лишь до поры,
когда захочется сказать о Вас стихами
не общие, а точные слова.
Но что собою представляете Вы сами?
Что любите? – Узнаю ли едва...
А без всего того стихи мои мертвы.
Поэтому и не идёт работа –
хоть начинал её как раз с большой охотой –
не обижайтесь на меня за это Вы.
Что не нашёл для Вас особых слов,
а написал банальное посланье
после невинного свиданья
в весенний день на празднике цветов.

Апрель 1990. Луганск

ПОСЛАНИЯ ПО СЛУЧАЮ

* * *

В. Каменевой

Дорогая моя Вы, милая!
Вы простите мою нескромность,
но смотрю: земля уже стывая,
в ней ледок – воплощённая ломкость –
весь в узорах припудренных трещин,
и сложились они в слова,

что одна

из добрейших женщин
в декабре была рождена.

И не видится ль в том знамение:
человечьей души тепло
даже в холод застойный времени
истребить ничто не смогло.

И легла отзывчивость на сердце
и приветливость на лицо,
распахнул Творец глаза-озерца
милосердным своим резцом.

Я ж, лукавый, не по наитию
обо всем, исхитрясь, узнав,
целый ворох к сему событию
пожеланий благих собрав,
поздравляю Вас не келейно,
не держась никаких канонов,
Вам признательный беспредельно
Ваш слуга покорный Платонов.

10 декабря 1990. Луганск

* * *

В. Каменевой

Прошли три круга, но надежды нет
на перемены с новой сменой года.
Тоскливая и мерзкая погода
нам в одичанье припасла билет.

По мановению костлявой злой руки
зажаты мы в тисках безвыходной разрухи.
Страна, кричащая, дробится на куски
в преддверье чёрной завирuhi.

Зачем гадать в лихое новогодье
кому что выпадет: Вам счастье ли?

Мне – нет?

Кого омоет лести половодье,
кому к виску приставят пистолет?

Поэтому гадать не буду я,
какою нас новацией одарят.
Я лучше выпью на закате дня
за тот рассвет, который славят.

Так выпьем в день рожденья Вас
и в эту лютую невзгоду –
пока огонь в нас не погас –
за всех живущих в непогоду!

8 декабря 1991. Луганск

* * *

Дорогая Вы женщина,
прошное лето
так сложилось нескладно, что я не послал
Вам открытку из Крыма – корите за это,
но не очень – случился вселенский обвал.
И к чему мы идём: к злу, к добру ли – не знаю.
К новым Храмам?
К лихим временам?
С Новым годом и днём Рождества поздравляя,
я желаю Вам счастья по новым часам.

8 декабря 1991. Луганск

* * *

В. Поповой,
корреспонденту "Нашей газеты"

Вы чудная женщина!

С Новым Вас годом,

который пока не сулит нам подъём!

Что делать?!

С несчастным забитым народом
мы вместе его как-нибудь проживём.

И дай Бог среди шестивия низких инстинктов,
где власть насаждает разгул и разбой,
не вторить нам власти заевшей пластинкой,
дай Бог нам остаться самими собой.

И в мире, забывшем добро, состраданье,
во мгле неизвестности будущих дней
храните, как редкость, своё обаянье,
которое радуется, греет людей.

В лихую годину, когда без просвета
вокруг, торжествуя, злорадствует зло,
желаю, чтоб Вы, Вы и "Ваша газета"
удачливы были, чтоб Вам повезло.

29 декабря 1997. Луганск

* * *

Друзья,
все те речи, что были готовы,
отбросив за праздничным ярким столом,
не веруя в Бога, я принял Христовы
простые заветы о мире ином.
Отнюдь не загробном. О нашем, земном.
О мире, где люди бы жили как братья,
и где бы царила одна лишь любовь...
Словами поэта: *Придите в... объять!*^{xvii} —
Враждующих всех призываю я вновь.

14 января 1999. Луганск

* * *

И. Хорошаевой

Ирина Даниловна – Вы просто чудо!
На милых щеках возбужденья задор.
Ах, как Вы красивы, и как же Вам трудно
Достоинно выслушивать всяческий вздор!
Сказал я: красивы?.. Нет, этого мало.
Красивыми многих ведь можно назвать.
Вы, в праведном гнев, божественны, право!
Божественно гнев Вы сумели сдержать.
На нежном лице красит щёки волнение,
В глазах – точно чёрные искры горят.
В них трепет обиды, в них блеск возмущенья,
которое всё же скрывает Ваш взгляд.
Ах, как Вы прекрасны! Наверное, вечно
Я мог любоваться бы Вашим лицом.
Я, думаю, это не грешно, конечно,
Да страшно казаться смешным стариком.
Что ж, старость смешна. Не самими собою
мы выглядим в старости – ей же под стать.
Ах, как восхищён я, – сказал бы, – тобою!
Но *Вами*, – я вынужден ею сказать.

Июль 1999. Луганск

О ВСЯКОМ И ПО-ВСЯКОМУ

Что виделось вчера как цель глазам твоим
для завтрашнего дня оковы.
Мысль – только пища мыслей новых,
но голод их неутолим

Э. Верхарн

* * *

Есть страх в бою.
Но в схватке,
с отчаянной решимостью
сойдясь,
мы истерическим надрывом
рвали связь
со страхом смерти,
не играя в прятки.
В безумном самоотречении,
подхлестываясь диким криком: а-а-а! –
бросали мы себя на штык врага
не потому, что в голове затмение,
а потому, что иначе нельзя.

1976. Луганск

Грехопадение^{xviii}

К 60-летию СССР

Со временем, теряясь в дымке лет,
всё растворяется: события и люди,
но в памяти живых навечно врезан
будет
ведущий к Октябрю Семнадцатого
след.

Свершилось: рухнули оковы
деспотии
эксплуататоров наёмного труда.
Во мглу истории столкнул их
навсегда
Союз рабочих и крестьян России.

И засияла Красная Звезда
над обновлённой Республикой
Советов,
над миром тьмы, восставшей
царством света,
рождённой гением великого вождя.

Он в хаосе противоборствующих сил
тот путь, единственный, что вёл к
освобожденью,
к невиданным победам
и свершеньям,
предвидением мысли осветил.

Он понял, как никто, что мощь
восставших масс
единством волей своих несокрушима.
Он в бой повёл народ к сияющим
вершинам^{xix},
металлом партии
спаяв рабочий класс.

О ВСЯКОМ И ПО-ВСЯКОМУ

Твой подвиг, партия, грядущему
беречь,
как вдохновляющую силу
примера стойкости несокрушимой
железа хрупких человеческих плеч.

У коммунистов признанная слава:
истерзанная, нищая страна
в огне боёв трудом превращена
в могучую, великую державу!^{xx}

Высокой человечностью отмечен
здесь созданный Советской властью
строй.^{xxi}

Путь достижений, пройденный
страной,
достойно новой Конституцией
увенчан!

В ней все провозглашённые права
наполнены глубоким содержанием.^{xxii}
Зовут на труд, на подвиг,
на дерзанье
нас Конституции чеканные слова!

И хоть героика горячих звонких лет
уходит в прошлое –
печать её примет
лежит на всём. Страницы
Конституции
пылают отблеском Великой
Революции.

Октябрь 1977. Луганск

* * *

И зная всё отчаянной
о палачах,
в ночи:
за Родину, за Сталина! –
мы всё ещё кричим.

1988. Луганск

На совет экономить силы

А. Погарцеву

Совету вашему мы вняли
и экономить силы стали,
но всё ж никак не выполняли,
то, что в Госплане нам сверстали.
Тогда, взрывая круг поруки
социализма на мели,
*к мечам рванулись наши руки,
и – лишь оковы обрели^{xxiii}.*

1988. Луганск

* * *

Такая жизнь, такая жизнь!
Хоть плач, хоть радуйся, хоть злись,
хоть криком яростным кричи,
хоть равнодушно промолчи,
хоть плюнь на всё и отступись,
хоть сам навыверт извернись –
ты не докажешь ничего,
кроме бессилья своего.
И будет больно одному
тебе
и больше никому.

1990. Луганск

* * *

В стране на лозунги столь щедрой
переизбыток красных дат.
И кто из нас не виноват?
Кто не подпел фанфарно-медной
помпезной музыке вождей
в плену бредовых их идей,
нагроможденью лжи и фальши?
Так что же?
Будем врать и дальше?

21 сентября 1990. Луганск

* * *

Что-то хрустнуло в нашем мире,
в перехлёстнутом горле страстей –
хрип и ненависть площадей,
человеческий всхлип в квартире,
где нельзя не отринуть дня,
где беззвучно в портьерных складках
бьётся в судорогах припадка
лошадь загнанная – Земля.

Декабрь 1990. Луганск

* * *

Я рассуждаю в аудитории:
*Всё изживает себя со временем –
бывшее новое старым бременем
ложится на стёртые плечи истории...*

1990. Луганск

* * *

Сажусь в "Симферополь-Воронеж" –
приблудный на станции поезд.
Ну что же? Когда же ты тронешь
В неведомый город Воронеж?

Вздрогнул состав над перроном,
зашёлся весь в скрипе вагонном,
на стыках частит звук металла,
мчим мы и криво, и прямо
в бесприют Мандельштама.

Так что ж ты за город, Воронеж?
Уронишь иль проворонишь,
иль скорбную славу вернёшь?
И вправду ль есть улица-яма

этого Ман-дель-штама?
Иль всё ты, по-прежнему, врёшь –
загонишь к засадам-постам,
где вновь большевистствует хам?

Какой же ты, город Воронеж?
Ты тайну с собою хоронишь.
И только колёса ушам
нашепчут испуг: Ман-дель-штам.

Зачем же я еду, Воронеж,
коль страх ты мне в душу заронишь?
Проверить хочу, что устам
в лицо тонкошеим вождям
по силам кричать: Ман-дель-штам.

12 января 1991. Луганск

* * *

Б. Ельцину

Мы видели, что недалёк.
Надеялись, что честен.
Но, оказалось, сей "порок"
Вам вовсе неизвестен.

1992. Луганск

О ВСЯКОМ И ПО-ВСЯКОМУ

* * *

Сорвись все звёзды с небосвода,
исчезни местность,
всё ж не оставлена свобода,
чья дочь – словесность.

И. Бродский

Что старость нам – одни невзгоды!
– Не говори!
На самой грани небосвода нам свет зари
не высветит.
Одна лишь ясность прожитых дней –
как беспристрастность
судьи – в глазах,
как то –
что Родина – у нас – в слезах!
Россия – покорясь
– опять во мгле,
и повторяется в её судьбе
беда – трагедией
– как было в первый раз,
иль в виде брежневского фарса –
без прикрас
– словами Маркса.
И снова медными – во лжи –
трубят
фанфарами.
И, – снова, – Иисус распят.
Не понял люд – в его руках судьба!
Не понял одного – в себе не вытравив раба –
что процветает лишь страна того народа,
где есть – свобода!

27 января 2004. Маалот

УТРАЧЕННОЕ

1. «Я не искал обилия друзей,
немногие казались мне верней...»
2. «Как в пушкинской трагедии Сальери,
я алгеброй гармонию поверил...»
3. «Воспоминания и есть моя любовь...»
4. «С неистойвой тоской любя,
не веря, верю я в тебя...»
5. «Сбываются иные предсказанья,
любовь к тебе дана мне в наказанье...»
6. «Здесь было все не артистично, а просто грубо...»
7. «Непонимания глаза немые...»
8. «Осенний день. Накапывает дождь...»
9. «Опять коварная природа
тасует карты времён года...»
10. «Мандарины пахнут Новым годом...»
11. «Нависло небо ненавистным наказаньем...»
12. «Отчаянно любимую давно я не люблю...»
13. «Воспалённые глаза с красноватыми белками
чернью век обрисовали...»
14. «Разогретый запах разомлевших сосен...»
15. «Я вижу солнце в янтаре,
в окаменевших слёзах сосен...»
16. «Проводов серебряная нить...»
17. «Испятнанный ногами свежий снег...»
18. «Стелется низкий туман над землёй...»
19. «Тугая длинная коса змеёю чёрной обвивала...»
20. «Как отдалённой смерти неизбежность,
настигла нас любви безмерность и безбрежность...»

21. «Мы ушли с тобою в дюны в час вечерний,
в час заката...»
22. «Песок ослепителен.
Белая чайка косо скользит на стоячей волне...»
23. «Серебристый свет Селены
светлым стелется сияньем...»
24. «Секунды скачут, словно сумасшедшие,
стекла сусальной сосулькой свеча...»
25. «Холодным облаком коснись разгорячённого лица...»
26. «Не казись тоскою острой...»
27. «В твоих густых и чёрных волосах
всё больше белых серебристых нитей...»
28. «Под зелёными тёмными кронами
золотистую пряжу сплетают лучи...»
29. «Костёр угас на опушке леса...»
30. «Какие яркие созвездия в Крыму...»
31. «Вся жизнь – за потерей потери, потери –
трагична исходом своим роковым...»
32. «Снова рябью суতোлка линий,
стук колёс двоит стальные рельсы...»
33. «Мой мозг угасает, как это не грустно...»
34. «Прозрачный воздух напоён
земли пьянящим ароматом...»
35. «Над камнем потемневших грубых плит...»
36. «За могильным холмиком с оградкой
листья лип уныло шелестят...»
37. «Я живу теперь в воспоминаньях,
в их наркотическом и сладостном дыму...»
38. «Лицом зарывшись в волосы твои,
вдыхаю тонкий горьковатый запах...»

История любви

39. «Что это? Горечью приправленный успех
иль горечь, подслащённая успехом...»
40. «В бою для мыслей нет ни времени, ни места...»
41. «Испания – боль поражения первого...»
42. «На аэродроме косили траву...»
43. «О, Родина моя, ты вся в огне...»
44. «Свою Россию я люблю безмерно,
но в ней люблю совсем не всё подряд...»
45. «Столетье смотрит стыlostью стекла,
сплетением стальных сооружений...»

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ К стр. 4. "Горная наука" по точности стоит на втором месте после богословия", – говаривал известный в Москве, Междуреченске, Воркуте и Луганске горный инженер Рояльд Яковлевич Свердлов.

ⁱⁱ К стр. 40. Э. Хемингуэй.

ⁱⁱⁱ К стр. 72. Кто первый так, и совершенно справедливо, о Земле отозвался, доискаться не удалось.

^{iv} К стр. 84. Стрекоза, высвобождаясь из куколки, сбрасывает связывающие её пелены.

^v К стр. 87. Дж. Сэлинджер.

^{vi} К стр. 103. Гордо стал ледяной статуей – русский советский генерал-фортификатор Карбышев был залит водой на морозе и превращён в ледяную глыбу в гитлеровском концлагере Маутхаузен.

^{vii} К стр. 103. Стихи, написанные в берлинской тюрьме Моабит татарским советским поэтом Мусой Джалилем, были сохранены его сокамерником голландцем и переданы на свободу после казни Джалиля.

^{viii} К стр. 103. «К чертям с матерями катитесь...» – строчка из В. Маяковского.

^{ix} К стр. 111. Love (лав <англ.>) – Любовь.

^x К стр. 114. What does Your love cost? (Вот даз ёа лав кост? <англ.>) – Сколько стоит Ваша любовь?

^{xi} К стр. 128. Времена была почти пуританские: американо-европейская сексуальная революция ещё не достигли пределов Советской России... А колени были действительно ослепительны...

Ненароком коснувшись сексреволюции, могу лишь заметить, что автор этих строк совсем не ханжа. Ради бога, делайте всё, что вам нравится в сексе, не навязывая другим. В этом – предел. Интимные отношения возлюбленных – это их тайна. Там всё только для них, для двоих – не для публики.

Нынешнее беспутство на эстрадных площадках, телевидении, радио и кино, и в театрах, в газетах, в книгах, журналах, похвальба актёров и актрисулук, разухабистых певцов и певицек с кем и как они ночь переспали – это даже и не вульгар-

ность, это – маразм расчеловечивания человеческого в человеке, низведения человека ниже скотского состояния, ниже уровня пещерного дикаря.

^{xii} К стр. 131. У Е. Евтушенко: «Но долго, чтоб казаться современным, я не цветы носил ей, а вино».

^{xiii} К стр. 133. "Советская Россия". 13 марта 1998 г. "Не могу поступиться принципами".

^{xiv} К стр. 133. "Правда". 4 апреля 1998 г. "Манифест антирежестроечных сил".

^{xv} К стр. 133. Разрушительное землетрясение в Армении.

^{xvi} К стр. 133. Каменев и Платонов – псевдонимы Л. Б. Розенфельда и А. П. Климантова, под этими вымышленными фамилиями они и известны.

^{xvii} К стр. 141 «Придите в братские объятия» – из стихотворения "Скифы" А. Блока.

^{xviii} К стр. 144. Стихотворение конъюнктурное, и тогда понимал. На "исправление" социализма надеясь, восхваляя его достижения, душой всё-таки покривил. «И кто из нас на палубе большой...» Э-э, да что говорить!

^{xix} К стр. 144. Сияющие вершины оказались зияющими провалами.

^{xx} К стр. 145. «могучую великую» теперь лучше заменить: «могучую и нищую», – но легко быть пророком полстолетия спустя.

^{xxi} К стр. 145. Высокой человечностью отмечен – но ведь знал, знал после Двадцатого съезда, после 1956-го года, что это не так, а вот так:

Неслыханной бесчеловечностью отмечен
был созданный большевиками строй.

^{xxii} К стр. 145. Прости, господи, прегрешения наши. Если лгал, то лгал, не вполне ложь сознавая. Так верить хотелось в светлое будущее! И закрывались глаза на всё неприглядное, мелочью в деле остром казавшееся. А на деле-то мелочи и подточили громаду... Жаль, никто ничему на этих провальных ошибках не научился. Снова строим ракеты, снова растим Военно-промышленный комплекс, народ досыта хлебом, о масле не говорю, не накопив.

^{xxiii} К стр. 146. «К мечам рванулись наши руки, и – лишь оковы обрели» – строчки из ответа А. И. Одоевского на "Послание в Сибирь" А. С. Пушкина.

СОДЕРЖАНИЕ

О любви	3
От автора	4
ВАМ ВСЕМ, КОТОРЫЕ ПРАВИЛИСЬ.....	7
«Я глаз твоих люблю сиянье...»	7
«Искрится ярко снег...»	7
«Вот девушка свой стан изящно наклоня..»	8
«Мы пили третий день токай...»	9
«Чёрное стекло ночи...»	10
«Электрические звуки...»	11
«Тебя я не ищу за гранью ожиданья...»	12
«Если б ты знала...»	13
«Стояла осень...»	14
«Какое прекрасное имя Светлана...»	16
«Вечерний город. Глазницы темниц...»	17
Воспоминание о не бывшем	19
«Солнце светит стылым светом...»	21
«Ты переменчива, как моря бирюза...»	22
«Под нами тёплая вода...»	23
Фото 1. Елена	24
«Вся в чёрном, в бархатном костюме мушкетёра...»	25
Детство	26
«Я знаю, мне не удержать тебя...»	28
«Какая полная луна висит за нашим теплоходом...»	29
ЕЛЕНЕ	<u>31</u>
«Ты была здесь...»	31
«В белесом молоке стволы чернеют сиротливо...»	32
«Я мыслями не отпускал тебя...»	35
«В распахнутую дверь уже который день...»	36
«Красные листья, жёлтые листья...»	37
«Здесь чисто и тепло...»	39
«Ношу в себе такую нежность...»	41
«Ты неземная вся, ты воплощенье духа...»	42

«За окном льётся дождь...»	44
«Песок... песок... – вдруг сразу впадина...»	46
«Спросила: "Нравлюсь ли тебе в таком наряде?"...»	48
«Прошёл февраль, не испугав нас ни морозами...»	49
«В эти серые дни без тепла и просвета...»	50
«Часы наручные, холодные как лёд...»	51
«Скамейка. На скамейке ты...»	52
День	53
1. «Окно раскрыто в светлый мир дождя...»	53
2. «Всплывало солнце субмариной...»	53
3. «Блики прыгают на волнах зеркалами...»	53
4. «В моих руках твоё лицо...»	54
5. «Окно раскрыто в чистый мир дождя...»	54
«Вдыхая горькие и терпкие духи твоих волос...»	55
«Как змеи – в узкие расщелины...»	56
«Опущены покато плечи – среди листвы...»	57
«Охвачен жаром лес...»	58
«Луга, луга... и золотые пятна в них...»	59
«Сегодня солнце такое жаркое...»	61
«Ты сказочна, ты дивно сложена...»	62
«Ты женщина моих далёких снов...»	62
«Листья шелестят под ногами жёлтые...»	63
«Тёк сверху снег, как пушкинские стансы...»	64
НАСТРОЕНИЕ	65
«В чём жизни смысл?..»	65
«Горько добру молодцу...»	66
«Как разыгравшийся ручей...»	66
«Среди ночи я...»	67
«Смотрю, как рассыплю в ночной речной воде...»	67
«Грущу. С моста я над рекой...»	68
«За окном расплываются...»	69
Новогоднее	70
«Всё так зыбко на этом свете...»	72
Сыновья	73
Под стук колёс	74
«Болью череп расколот...»	76

История любви

«Судак. Крепость. Аскетические стены...»	77
Самолёты ходят по кругу	79
Церковь Николы в Хамовниках	81
Сон	82
В ночном бреду	83
«Велишь забыть! Как тягостно веленье!..»	84
«Багровая полоска в облаках...»	85
Диме	87
«Ещё февраль – а солнце жаркое...»	88
«Я не поэт – как человек я мучаюсь...»	88
«Из года в год под Новый год...»	89
«Наш парк – в строительных лесах...»	90
«Снова дождь за окном...»	90
«Наш мир развален, и просвета нет...»	90
«Зелёный свет под абажуром...»	90
Илюша	91
«Улёгся рыхлый снег на крыши...»	92
«Печальной старости усталых городов...»	93
«Мой мозг ещё работает...»	93
Эпитафия	93
НАМ ВНЯТНО ВСЁ...	95
Тоска	95
Додекафония	99
Ночные дожди	104
1. «Ночь резкими порывами распахнута...»	104
2. «Вот площадь, скверами окружена...»	105
3. «В насторожённой тьме насупились стволы...»	106
4. «Полощет дождь бордюры и балконы...»	107
5. «Иду по улице, разбрызгивая лужи...»	108
6. «Во мне уж нет неистовства бессилия...»	109
Любовь	111
Причастность	115
ДА, ТАК ЛЮБИТЬ, КАК ЛЮБИТ НАША КРОВЬ...	119
Просьба	119
«В кружева сплетая свет и тени...»	121
«Померк снова блеск неразгаданных глаз...»	123

«Не любила, значит...»	123
«Напрасно у её дверей...»	124
«Ужель остаток дней своих...»	124
Сон	125
Ко дню твоего рождения	126
«Ты свои оголила колена...»	128
ПОСЛАНИЯ ПО СЛУЧАЮ	129
«Саша! К лицу ли нам лицемерить...»	129
«Последние срывает листья осень...»	130
«За яркость женской красоты...»	131
«Уже ноябрь, но празднуем Октябрь...»	132
«Уходит в вечность беспокойный год...»	133
«Вы, как всегда, полны очарованья...»	134
Очаровательной дантистке	135
«Прелестной женщине писать в письме стихи...»	136
«Дорогая моя Вы, милая!..»	137
«Прошли три круга, но надежды нет...»	138
«Дорогая Вы женщина, прошлое лето...»	139
«Вы чудная женщина!..»	140
«Друзья, все те речи, что были готовы...»	141
«Ирина Даниловна – Вы просто чудо!..»	142
О ВСЯКОМ И ПО ВСЯКОМУ	143
«Есть страх в бою. Но в схватке...»	143
Грехопадение	144
«И зная всё отчаянней о палачах, в ночи...»	146
На совет экономить силы	146
«Такая жизнь, такая жизнь!..»	147
«В стране на лозунги столь щедрой...»	147
«Что-то хрустнуло в нашем мире...»	148
«Я рассуждаю в аудитории...»	148
«Сажусь в "Симферополь-Воронеж"...»	149
«Мы видели, что недалёк...»	150
«Что старость нам – одни невзгоды!..»	151
УТРАЧЕННОЕ	152
ПРИМЕЧАНИЯ	155

